Э. Р. ТЕНИШЕВ, Б. Х. ТОДАЕВА

ЯЗЫК ЖЕЛТЫХ УЙГУРОВ

ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ

Под общей редакцией
проф. Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

Э. Р. ТЕНИШЕВ, Б. Х. ТОДАЕВА

ЯЗЫК ЖЕЛТЫХ УЙГУРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

Очерк «Язык желтых уйгуров» составлен двумя авторами — Э. Р. Тенишевым и Б. Х. Тодаевой. Э. Р. Тенишевым написана часть I («Язык сарыг югуров»), Б. Х. Тодаевой — часть II («Язык шира югуров»)

Эдгем Рахимович Тенишев
Буляш Хойчиевна Тодаева

ЯЗЫК ЖЕЛТЫХ УЙГУРОВ

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

Редактор *Е. А. Поцелуевский*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 25/XI 1965 г. Подписано к печати 20/IV 1966 г. А-01470. Формат 60×90¹/₁₆
Печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 4,72. Тираж 1700 экз. Изд. № 1517 Зак. № 1780
Цена 30 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Индекс $\frac{7-1-4}{195-66}$

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаевой «Язык желтых уйгуров» входит в серию очерков по языкам народов Азии и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например, «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков описываются конкретные языки стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, монгольский, уйгурский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, ория, телугу, тамильский, каннада, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, яванский, мальгашский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса, малинке (мандинго) и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Азии и Африки: египетский, финикийский, аккадский, санскрит, пали, авестийский, древнеперсидский, среднеперсидский, древнеуйгурский, хеттский, древнеяванский (кави) и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности.

Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Народность юйгу (*йуйҕу*) состоит из четырех частей, различающихся главным образом по языку. Одна часть юйгу тюркоязычна, другая — монголоязычна, третья говорит только на китайском языке, четвертая говорит по-тибетски. Самоназвание тюркоязычных юйгу — сарыг югур (*сарыҕ йуҕур*), что означает «желтый уйгур». Живущие в степи именуют себя еще ойлыг (*ойлыҕ*), а обитатели гор — таглыг (*таҕлыҕ*). Омонголившиеся желтые уйгуры называют себя шира югур (*шіра йуҕур*)—тем же термином «желтый уйгур», но в монгольской передаче. Тюркоязычные юйгу в их среде называются хара югур («черный уйгур»).

Окитаевшаяся часть желтых уйгуров как самоназвание применяет термин «югур». Все эти термины являются отражением одного и того же этнонима «сарыг уйгур» (*сарыҕ уйҕур*), который некогда относился к тюркоязычной в целом народности. Дифференциация произошла в сравнительно позднее время. До IX в. уйгуры занимали земли Монголии и Тувы. После покорения в 840 г. уйгурского каганата кыргызами уйгуры ушли с занимаемой ими территории: один поток уйгуров расселился в районе Турфана, другой — в Ганьсу, где теперь живут юйгу.

Предания сарыг югуров указывают, что, по-видимому, с установлением ислама в Китайском Туркестане часть турфанских уйгуров переселилась на восток и слилась с сарыг югурами. Формирование сарыг-югурской народности совершалось в этнически неоднородной среде. Анализ родовых названий проливает свет на этот сложный процесс. В состав сарыг югуров в разные периоды времени влились этнически разнообразные элементы. Среди них древние кыргызские, тюргешские, монгольские, тангутские и тибетские племена и роды[1].

[1] Э. Тенишев, *Этнический и родоплеменной состав народности юйгу*,—«Советская этнография», № 1, М., 1962, стр. 59—66.

О монголоязычных югурах известно, что они являются потомками части югуров, которые поселились здесь еще в период Юаньской династии[2].

После образования в феврале 1954 г. национального автономного уезда с центром в г. Сунань (пров. Ганьсу, КНР) желтые уйгуры получили единое государственное наименование — юйгу (<*йуғур*).

Юйгу, говорящие по-тюркски, населяют район Минхуа (волости Лянхуа и Минхай).

Юйгу, говорящие по-монгольски,—волости Канлочу и Матисы.

Юйгу, говорящие по-китайски,—волости Чентан и Хуаннипо (уезд Цзюцюань).

Юйгу, говорящие по-тибетски,—волость Югей.

Юйгу в уезде насчитывается почти 4 тыс. человек. Сарыг югуров—около 2 тыс., шира югуров—примерно 1,5 тыс., юйгу, говорящих только на китайском или тибетском языке,—0,5 тыс. человек. Официальный государственный язык в уезде — китайский. На китайском языке объясняются все группы юйгу.

[2] См. W. Kotwicz, *La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou*, Wilno, 1939, pp. 437—440.

ЧАСТЬ I

ЯЗЫК САРЫГ ЮГУРОВ

Какими-либо памятниками языка сарыг югуров наука не располагает.

Правда, в местах обитания юйгу открыты памятники на древнем уйгурском языке (уйгурского письма). Это известная всему миру рукопись «Сутра золотого блеска» (1687—1688), отдельные листы буддийской рукописи (1702 г.), найденные С. Е. Маловым в кумирне Вун Фы-гу (Цзюцюань), надпись на камне в честь гао-чанского князя Ван Ши-сюня в Увее (недалеко от Чжанъе).

Все это позволяет предполагать, что сарыг югуры в религиозной сфере пользовались уйгурским литературным языком до начала XVIII в.

С усилением тибетского влияния буддийские каноны тибетского письма постепенно вытеснили уйгурские вероучительные книги. Теперь уже никто не помнит, что когда-то юйгу пользовались уйгурской письменностью.

Живой, народный язык сарыг югуров значительно отличается от языка уйгурских памятников.

Можно думать, что в древности язык сарыг югуров был такой же, как и литературный уйгурский *д*-язык.

Сильный контакт с древними кыргызами, с их народным *з*-языком, наиболее близким к современным хакасскому, шорскому и чулымско-тюркскому языкам, привел к тому, что сарыг-югурский язык к VIII—IX вв. приобрел тот же признак—*з* (*азак*, *коз* вместо *адак*, *код*)[1].

После IX в. на территории северного Китая сарыг-югурский язык подвергся воздействию китайского, монгольского и тибетского языков.

Современный сарыг-югурский язык не имеет резких диалектных различий. Небольшие отклонения в языке горного и степного населения затрагивают фонетику и словарь.

[1] Э. Тенишев, *О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР)*,—«Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 95—96.

Первые записи языка юйгу (сарыг югуров и шира югуров) сделал Г. Н. Потанин[2].

Г. Маннергейм вместе с этнографическими заметками о юйгу дал список слов[3]. С. Е. Малов посетил юйгу два раза, в 1900—1911 и 1913—1915 гг., объездив почти все селения[4]. Память о его пребывании до сих пор жива у сарыг югуров[5]. Он собрал большой и совершенно новый лингвистический, фольклорный и этнографический материал.

Первые работы С. Е. Малова по желтым уйгурам посвящены фольклору и верованиям[6].

С. Е. Малов опубликовал словарь и грамматику языка сарыг югуров[7].

С. Е. Малов записывал также и у монголоязычных шира югуров. Материал опубликован В. Л. Котвичем[8].

Тибетоязычным юйгу посвятил свою работу М. Херманнс[9].

Изучение юйгу в Китае началось с 50-х годов[10]. Описание языка сарыг югуров дал Чэнь Цзун-чжэнь[11].

Автор настоящей работы посетил юйгу в 1958 г. во время командировки в КНР[12].

---

[2] Г. Н. Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886*, т. I, СПб., 1893, стр. 435—437, 440—444.

[3] C. G. E. Mannerheim, *A visit to the Sarö and Shera yögurs*,— «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVII, Helsingfors, 1911.

[4] С. Е. Малов, *Отчет о путешествии к уйгурам и саларам*,— «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912; *Отчет о втором путешествии к уйгурам*,— «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 3, Пг., 1914.

[5] Э. Тенишев, *Воспоминания желтых уйгуров о С. Е. Малове*,— «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, 1 (14), Алма-Ата, 1960, стр. 63—65.

[6] С. Е. Малов, *Сказки желтых уйгуров*,—«Живая старина», год XXI, 1912, СПб., 1914; *Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров*,—«Живая старина», год XXIII, 1914, СПб., 1915; *Остатки шаманства у желтых уйгуров*,—«Живая старина», год XXI, 1912, СПб., 1914, стр. 61—74.

[7] С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров (Словарь и грамматика)*, Алма-Ата, 1957.

[8] W. L. Kotwicz, *La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les materiaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs*, Wilno, 1939.

[9] P. Matthias Hermanns, *Uiguren und ihre neuentdeckten Nachkommen*,— «Anthropos», Bd XXXV—XXXVI, 1940—1944.

[10] Ли Фу-дун, *Обзор народности сарывейвур*,—«Общественное мнение о пограничной политике», т. III, 1944, № 8 (на кит. яз.).

[11] Чэнь Цзун-чжэнь, *Югу-цзу и особенности их языка*,—«Сообщения по обследованию национальных языков», № 10, Пекин, 1957 (на кит. яз.).

[12] Э. Тенишев, *Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг югурам*,—«Известия АН СССР», т. XX, вып. 2, М.—Л., 1961, стр. 179—184; *Юйгу*, — «Народы Восточной Азии», М., 1965, стр. 647—651.

ФОНЕТИКА

ГЛАСНЫЕ

Система гласных в сарыг-югурском языке состоит из восьми фонем: *а*, *е*, *ы*, *і*, *о*, *ö*, *у*, *ÿ*.

а — нелабиализованный, заднего ряда, открытый: *амыр* 'счастье', *тала* 'долина'. Перед *й* возникает комбинаторный закрытый вариант *ȧ*: *ȧй* 'месяц', *kȧйла* 'бегать';

е — нелабиализованный, переднего ряда, средний по степени открытости: *ерен* 'мужчина', *езер* 'седло';

ы — нелабиализованный, заднего ряда, закрытый: *kыс* 'зима', *азыƀ* 'коренной (зуб)'. В начальном слоге (перед *р*) появляется вариант *ы*, более закрытый и передний, чем *ы*: *ыpk* 'мощность', 'сила';

і — нелабиализованный, переднего ряда, закрытый: *mi-* 'говорить, сказать', *ні* 'что?'. Перед сонорными и щелевыми реализуется заднерядный вариант, приближающийся к *ы*: *кыр-* 'входить', *ыны* 'младший брат', *тыс* 'зуб', *ыш-* 'пить'. Другой вариант — приглушенный *ыш* — в начальном слоге перед *т* и *к*: *ышкы* 'два', *ыштыг* 'острый' (ср. уйгурский и саларский языки);

о — лабиализованный, заднего ряда, средний по степени открытости: *ой* 'равнина', *ош* 'горсть', *оң* 'правый';

ö — лабиализованный, переднего ряда, средний по степени открытости: *гöңыл* 'сердце' (отвлеченно), *köз* 'глаз'. Перед сонорными возникает заднерядный вариант, близкий к *о*: *коңыл* 'сердце';

у — лабиализованный, заднего ряда, закрытый: *узak* 'далекий', *урƀak* 'серп', *узун* 'длинный';

ÿ — лабиализованный, переднего ряда, закрытый: *кʻÿндÿз* 'днем', *ÿрген-* 'учиться'. Перед сонорными развивается заднерядный вариант, близкий к *у*: *кун* 'день', *кył-* 'смеяться', *кумыс* 'серебро'.

В языке сарыг югуров проявляет себя тенденция произносить гласные переднего ряда близко к заднерядным гласным (*і* → *ы*, *ö* → *о*, *ÿ* → *у*). Происходит, по словам С. Е. Малова, «огортанение» переднеязычных гласных, что влияет в известной степени на привычную для тюркских языков систему фонологической дифференциации гласных фонем. Колебания в произношении свойственны и открытым гласным лабиализованного и нелабиализованного рядов — наблюдается стремление произносить их закрыто (*е*→*і*, *о*→*у*, *ö*→*ÿ*). Следовательно, гласные фонемы в языке сарыг югуров по тембровым признакам и степени раствора чрезвычайно неустойчивы, поэтому слова имеют большое число звуковых оболочек:

сўт//*сўт*//*сут*//*сöт*//*сöт*//*сот* 'молоко', учитывая начальный согласный еще один ряд *с'ўт*//*с'ўт*//*с'ут*//*с'öт*//*с'öт*//*с'от*. По этой причине приведенные в словаре С. Е. Малова варианты слов нельзя принимать за постоянную величину. Аналогичное положение можно наблюдать в языке саларов.

Гармония гласных

Гармония гласных, характерная черта тюркских языков, в сарыг-югурском языке сильно нарушена как по нёбному, так и губному ряду. Сказывается отсутствие четких границ между передними и задними гласными, с одной стороны, и открытыми и закрытыми — с другой.

В нёбной гармонии наряду с правильными формами множество отклонений: *тастар* 'камни', *ереннер* 'мужчины', но: *аналер* 'матери', *герлар* 'чашки', *улҕаннер* 'дети'.

Такое же состояние губной гармонии: *колум* 'моя рука', *ўзў*//*узу* 'сам', но: *ломныҥ* 'канона', *суны* 'воду', *гöзды* 'глаз'. Сарыг-югурская гармония гласных по своим особенностям ближе всего, пожалуй, только к гармонии гласных в саларском языке.

СОГЛАСНЫЕ

Шумные

Смычные

п — губно-губной слабый глухой, иногда слегка озвончающийся[1]: *пе̃р-* 'давать', *п̣ы̃р* 'один', *бар-* 'идти';

'п' — губно-губной сильный глухой придыхательный. В начальной позиции — сильноконечный, в конечной позиции — сильноначальный. Сила придыхания колеблется от полной степени до нуля: *п'ер-*//*пер-* 'бить', *п'ыр* — звукоподражание полету птицы; *ц̣е'п* 'нить', *кö'п* 'много';

т — переднеязычный слабый глухой, в некоторых случаях слегка озвончается: *тар-*//*д̣ар-* 'сеять, сажать', *т̣ара-* 'чесать';

'т' — переднеязычный сильный глухой с придыханием, степень которого колеблется, в начальном положении — сильноконечный, в конечном — сильноначальный: *т'ала*//*тала* 'равнина, долина', *т'ар* 'узкий', *о'т* 'трава', *а'т* 'конь', *те'те* 'сказал';

[1] Знак ˇ под буквой передается озвончение, знак ˆ под буквой — оглушение.

к — заднеязычный слабый глухой, иногда озвончающийся: *кер*//*гер* 'чашка', *кў̃р-* 'смотреть';

'к' — заднеязычный сильный глухой с колеблющимся придыханием, сильноконечный и сильноначальный в зависимости от позиции: *к'ер-*//*кыр-* 'входить', *к'ўр* 'мера (сыпучих тел)', *о'кус* 'корова';

ḳ — увулярный слабый глухой с некоторым иногда озвончением: *ḳол*//*ḳол* 'рука', *ḳару-* 'смотреть', *ḳой* 'овца', *аḳ* 'белый';

'ḳ' — увулярный сильный глухой с колеблющимся придыханием, сильноконечный или сильноначальный в зависимости от позиции: *ḳ'аро* 'письмо', *а'ḳ-* 'течь', *о'ḳ* 'лук (оружие)'.

Щелевые

ф — губно-зубной глухой, встречается в заимствованных словах: *фачын* (кит.) 'штраф', *фала-* (<кит.) 'заквашивать тесто';

в — губно-зубной звонкий: *вар-* 'идти, ходить'; *йувас* 'тихий, смирный';

х — заднеязычный глухой, в большинстве случаев встречается в заимствованных словах: *хайза* (кит.) 'море', *хурде* (монг.) 'молитвенный барабан', *хар-* 'уставать';

й — среднеязычный: *йавтал* 'занятие', *йалвар-* 'упрашивать', *ӓйаḳ* 'лунный свет';

с — переднеязычный глухой слабый, подверженный озвончению: *сы-* 'ломать', *сыҥар* 'половина', *суз̣-* 'бодать';

'с' — переднеязычный глухой, сильный с придыханием: *мен кел'са* 'если я приду';

ш — переднеязычный глухой, подвергающийся иногда озвончению: *шор* 'солончак', *шопаḳ* 'глина', *шаж* 'волосы';

ш'' — переднеязычный глухой с сильной палатализацией, встречается в китайских и югурских словах: *ш''озы* (кит.) 'слово', 'речь', *ш''іке* 'тонкий' (ср. уйг. *інчікä*).

Аффрикаты

т^ш — переднеязычный слабый глухой, озвончающийся в некоторых случаях: *т^шонзы* (кит.) 'окно', *т^шыла-* (кит.) 'сердиться', *т^ше* (кит.) 'момент'. Китайская по происхождению фонема *т^ш* часто замещает артикуляционно близкий ей *ч* в собственно сарыг-югурских словах: *чалыҕ*//*т^шалыҕ* 'плеть', *чаҕ*//*т^шаҕ* 'время, период';

'т^ш' — переднеязычный сильный глухой, с придыханием, встречающийся преимущественно в заимствованных из китай-

ского словах: *тш'ола-* (<кит.) 'переписывать', *тш'eli-* (<кит.) 'распарывать',

тш" — среднеязычный слабый глухой, иногда озвончающийся, в сарыг-югурских словах замещает исконные *ч* и *ц*: *тш"е'птш"е* 'вилы', *нітш"ы* (<*ніче)? 'сколько?', *тш"ігде* (<*цігде) 'ягоды жигды'; *мартшан* (<*марцан) 'коралл';

'тш"' — среднеязычный сильный глухой, с придыханием, встречающийся в заимствованных китайских и собственно сарыг-югурских словах: *тш"'оу* (кит.) 'мост', *тш"'i* (кит.) 'верблюд', *тш"'орме* 'сухой творог'.

Сонорные

Смычные

м — губно-губной носовой: *мла* 'ребенок', *тшамна-* 'танцевать';

н — переднеязычный носовой: *нетыр?* 'что?', *ханы-* 'убегать';

ң — заднеязычный носовой (только в средней и конечной позициях): *йаңы* 'новый', *маңа* 'мне', *менің* 'мой'.

Щелевые

л — боковой, с гласными переднего ряда палатализуется (*l*), а перед согласными с придыханием приобретает особый шумный оттенок: *лом* (<*ном) 'канон', *улы* 'гром', *kele'kī* 'тень', *пыл'тыр* 'прошлый год', *kel'mi* 'пришел'.

Дрожащие

р — встречается только в середине и конце исконно сарыг-югурских морфем: *перік* 'шапка', *торҕа-* 'крошить мясо', *орҕак* 'серп', *йер* 'земля'. Ретрофлексный *р̃*, усвоенный из китайского языка,—вариант дрожащего р: *кӯр̃-* 'смотреть', *ыр̃к* 'сила'.

В сарыг-югурском консонантизме четко выделяются две важные особенности.

Первая заключается в том, что согласные фонемы противополагаются друг другу не по признаку звонкий — глухой, как в большинстве тюркских языков, а по признаку слабый глухой — сильный глухой (с придыханием).

Вторая особенность, рельефно выступающая на фоне тюркской фонетики,—согласные, усвоенные из китайского языка, замещающие тюркские звуки.

В условиях двуязычия у сарыг югуров (родной язык и китайский язык) вместе с потоком китайских слов в ткань родного языка врастают и иноязычные звуки, занимающие положение фонем. Так китайский *ш"* замещает сильно палатализованный *ч*, ретрофлексный *р̃* — дрожащий *р*, аффриката *тш* — веляризованный *ч*, аффриката *тш"* — смягченные *ч* и *ц*.

Это дает возможность думать о том, что сарыг-югурские *п—'п'*, *т—'т'*, *к—'к'*, *k—'k'*, воспроизводящие китайскую систему, тоже заместили в сарыг-югурском языке исконно тюркские звуки.

Китайских слов, несущих приведенные выше согласные, в сарыг-югурском языке очень много. В какой-то период времени, после переселения сарыг югуров на территорию Китая, эти первоначально чужеродные звуки легко уложились в рамки тюркской системы, преобразовав ее на свой лад.

Трансформация могла быть только в том случае, если исконно тюркский звонкий преобразовался в слабый глухой, а исконно глухой — в сильный глухой с заметной аспирацией. Тем самым усвоенные звуки образовали соразмерную систему сарыг-югурских согласных фонем.

При таком подходе к делу приходится допустить звонкие согласные и в начале слов в сарыг-югурском языке по крайней мере до IX в.

Сарыг-югурская система согласных фонем находит себе полную аналогию в литературном древнеуйгурском[2] и в саларском языках. Эти языки, сходной фонетической и фонологической структуры, в одинаковых условиях совершенно естественно прошли один и тот же путь развития.

Аналогичные явления отчасти свойственны еще тувинскому языку.

Гармония согласных

Уподобление согласных друг другу идет в двух направлениях: от основы к форманту (прогрессивная ассимиляция) и от форманта к основе (регрессивная ассимиляция).

Прогрессивная ассимиляция в какой-то мере сохранила общетюркский характер: за звонким — звонкий, после глухого — глухой: *kызҕа* 'девушке', *ахыста* 'во рту', *h̄асардан* 'из селения'.

В зависимости от конечного звука основы начальная согласная формантов образует соответствие *л//н//д//т*. Сюда относятся аффиксы множественного числа, родительного, ви-

[2] Э. Тенишев, *Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу*,—«Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 124—135.

нительного падежей, аффикс, образующий глаголы от имен: *мал-лар* 'животные', *улҕан-нар* 'дети', *тас-тар* 'камни', *сунын* 'воды', *пісек-ты* 'кусочек', *йыр-ла-* 'петь', *аҥ-на-* 'понимать', *тіс-те-* 'кусать'.

Регрессивная ассимиляция имеет место внутри слова и на стыке двух слов: *таkkа* (<*таҕ+kа*) 'горе́', *пекке* (<*пег+ке*) 'начальнику', *кöт таҕ* (<*кöк таҕ*) 'синяя гора', *каkырыk кel* (<*каkырып кел*) 'пригласи!'.

Перечисленными чертами гармонии согласных язык сарыг югуров приближается к хакасскому, шорскому и тувинскому языкам.

Но ввиду того что в сарыг-югурском языке различие звонких и глухих согласных утрачено, гармония согласных имеет много отступлений от «нормы».

Так, за гласными и сонорными могут следовать не звонкие, а глухие согласные: *ара-та* 'в середине', *кысе-те* 'у человека', *йыл-та* 'в году', *hасар-та* 'в селении', *йаҕан-kа* 'слону'. Такого рода правило специфично для саларского языка и языков памятников рунической, уйгурской, отчасти арабской письменностей.

Согласные в начале, середине и конце слов

В начальной позиции находятся либо слабые глухие, либо сильные глухие. Иными словами, начало слов в сарыг-югурском языке преимущественно глухое.

В абсолютном начале слов встречается среднеязычный *й*: *йол* 'дорога', *йас* 'молодой', *йасыл* 'зеленый'. Перед узкими гласными *й*//*т*$^{ш''}$: *йім-*//*т*$^{ш''}$*ім-* 'жмуриться', *йыс*//*т*$^{ш''}$*ыс* 'сто', *йүгін*//*т*$^{ш''}$*үгін* 'уздечка'. Перед широкими гласными возникает протетический *й*: *йörген-* 'учиться', *йоз-* 'опережать', *йе'т* 'мясо'. (Йотированное произношение начальных широких — характерная черта кыпчакских языков).

В средней позиции слов допустимы звонкие *ҕ*, *г*, *з*: *аҕыр* 'тяжелый', *аҕыл* 'двор', *паҕыр* 'печень', *тегермен* 'мельница', *пезык* 'большой', *азаk* 'ступня'.

В конечной позиции слов те же звонкие *ҕ*, *г*, *з*: *таҕ* 'гора', *арыҕ* 'чистый', *тег-* 'касаться', *коз-* 'лить', *кез-* 'одевать'.

В конце слов *с* соответствует тюркскому *ш*, *ш* — тюркскому *ч*: *кус* 'птица', *бос* 'пустой', *аш* 'голодный', *кырлаш* 'ласточка'.

Звонкий *з* в середине имен и конце глагольных основ — признак, объединяющий язык сарыг югуров с хакасским, шорским, чулымско-тюркским языками, языком фуюйских кыргыз и, по-видимому, древнекыргызским языком в группу *з*-языков.

СЛОГ

В сарыг-югурском языке слоги по структуре могут быть следующих типов (Г — гласный, С — согласный):

1) Г: *е-* 'быть', *о*//*у* 'тот', *ӱ* 'дом';

2) С+Г: *су* 'вода', *kа?* 'какой?' *у-зу-* 'спать' (открытые слоги);

3) Г+С: *оҥ* 'правая сторона', *ат* 'имя', *о'т* 'трава', *ыш-* 'пить';

4) С+Г+С: *тол-* 'пополняться', *гöс* 'грудь', *сан* 'число', *паш* 'голова', *йым-саk* 'мягкий', *тас-kар* 'внешний';

5) Г+С+С: *арт* 'задняя сторона', 'запад', *kорk-* 'бояться', *ы̃рk* 'сила' (закрытые слоги);

6) сочетания перечисленных типов: *са-тыҕ* 'торговля', *йалвар-* 'упрашивать', *ер-ті* 'рано' и т. д.

УДАРЕНИЕ

В двухсложных словах на последнем слоге главное динамическое ударение (′), на начальном слоге — добавочное (ˋ): *йàзáҕ* 'пешком', *àзҕырды́k* 'жеребенок'.

С наращением к основе грамматических аффиксов главное ударение перемещается на последний слог, добавочное же остается на своем месте: *àká* 'старший брат' — *àkаны́ҥ* 'старшего брата' — *àkаныҥkы́* 'принадлежащее старшему брату' — *àkаныҥkыты́н* 'от принадлежащего старшему брату'.

Ударения не принимают: аффиксы сказуемости, будущего ближайшего времени (изъявительного наклонения), желательного наклонения, послелоги и частицы.

Таким образом, словесное ударение в сарыг-югурском языке выполняет делимитативную функцию, обозначая конечную границу слова.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В сарыг-югурском языке имена образуют формы числа, сказуемости, принадлежности и падежа.

Число. Форма множественного числа образуется посредством присоединения к основе в зависимости от конечного ее звука следующих аффиксов: *-лар*//*-лер*, *-нар*//*-нер*, *-тар*//*-тер*, *-дар*//*-дер*. Примеры: *а'kа* 'старец' — *а'kалар*//*а'kалер* 'старцы', *кер* 'чашка' — *керlер*//*керлар* 'чашки', *ерен* 'мужчина' — *ереннер*//*ереннар* 'мужчины', *терек* 'дерево' — *терек-*

тер//*теректар* 'деревья', *ḳыз* 'девушка' — *ḳыздар*//*ḳыздер* 'девушки'.

Из приведенных примеров можно видеть проявление тенденции к унификации формантов множественного числа по линии согласных.

Форма сказуемости. Аффиксы с *-тро*//*-дро* (<**туру*<*турур*) одни и те же для всех лиц и чисел, поэтому необходимо специальное обозначение их. В форме именного сказуемого аффиксы могут опускаться.

Единственное число

мен малтᵚы (*дро*) 'я пастух'
сен малтᵚы (*дро*) 'ты пастух'
ḳол малтᵚы (*дро*) 'он пастух', 'она пастушка'

Множественное число

мыс малтᵚы (*дро*) 'мы пастухи'
сіlер малтᵚы (*дро*) 'вы пастухи'
голар малтᵚы (*дро*) 'они пастухи'

Тюркские языки, как правило, для каждого лица и числа имеют специальный показатель. В языке сарыг югуров из этой парадигмы удержался только один показатель — для 3-го лица, и теперь он применяется ко всем другим лицам и числам.

Следствием этого явилась утрата личных окончаний в формах настоящего и будущего времени. Аналогичные изменения произошли и в форме сказуемости саларского языка. Как в первом, так и во втором случае причина одна и та же — влияние китайского языка, в котором личная форма сказуемого образуется аналитически.

Форма принадлежности

Для основ с конечной гласной

1-е л.	*-ӈ*	для ед. и мн. числа
2-е л.		
3-е л.	*-сы*//*-сі*	

Примеры:

Единственное число

менің млаӈ	'мой ребенок'
сенің млаӈ	'твой ребенок'
куныӈ млясы	'его ребенок', 'ее ребенок'

Множественное число

мыстерныӈ млаӈ	'наш ребенок'
сіlерныӈ млаӈ	'ваш ребенок'
куларныӈ млясы	'их ребенок'

Для основ с конечной согласной

1-е л.	—	для ед. и мн. числа
2-е л.	—	
3-е л.	*-ы*//*-і*	

Примеры:

Единственное число

меныӈ гöӈыл	'мое сердце'
сеныӈ гöӈыл	'твое сердце'
гоныӈ гöӈlі	'его сердце', 'ее сердце'

Множественное число

мыстерныӈ гöӈыл	'наше сердце'
сіlерныӈ гöӈыл	'ваше сердце'
голарныӈ гöӈлы	'их сердце'

Форма принадлежности тюркских языков имеет специальные форманты для каждого лица и числа. В сарыг-югурском языке они сохранились для двух лиц: 2-го лица *-ӈ* (после гласных) и 3-го лица *-(с)ы*//*-(с)і* — в единственном и множественном числе (только в именах). Показатель 1-го лица *-м* исчез. Правда, в фольклоре встречаются и формы 1-го лица с *-м*, но значения принадлежности в них уже нет, это вторичные основы имен.

Саларский язык удержал аффикс принадлежности, и для 1-го лица саларская парадигма принадлежности более полная, чем сарыг-югурская.

Стирание формы принадлежности в этих языках объясняется влиянием аналитически выраженной принадлежности в китайском языке. В сарыг-югурском языке, который подвергается более длительному влиянию, процесс разрушения пошел еще дальше, чем в саларском.

Склонение. Система склонения состоит из шести падежей. Падежные аффиксы варьируются в зависимости от конечного звука основы.

1. Неопределенный падеж. Специального аффикса не имеет. Его форма в тексте несет значения и остальных падежей.

2. Родительный падеж. Образуется при помощи аффиксов *-ныӈ*//*-ніӈ*, *-дыӈ*//*-діӈ*, *-тыӈ*//*-тіӈ*: *суныӈ* 'воды', *тыздыӈ* 'колена', *кустыӈ* 'коровы'.

3. Дательный падеж. Образуется посредством аффиксов *-ҕа//-ге*, *-ка//-ке*: *семіге* 'кумирне', *ахыска* 'рту', *мінікке* 'деньгам'.

4. Винительный падеж. Образуется с помощью аффиксов *-ны//-ні*, *-ды//-ді*, *-ты//-ті*: *кысыны* 'человека', *шажды* 'волосы', *балыкты* 'стену'.

5. Местный падеж. Образуется посредством аффиксов *-та//-те*, *-да//-де*: *Сукчіте* 'в Сучжоу', *һасарта//һасарда* 'в селении'. В местном падеже устанавливается стабильный вариант аффикса: *-та//-те* (с глухим началом).

6. Исходный падеж. Образуется при посредстве аффиксов *-тан//-тен*, *-дан//-ден*, стремящихся к стабильной форме с начальными глухими: *кӧтытан* 'из очага', *сыктен* 'из дверей', *аҕылтан* 'из двора', *сутан* 'из воды', *еренден* 'от мужчины'. Это активная, действенная форма исходного падежа, другая, менее употребительная форма, образуется аффиксами *-тын//-тін*, *-дын//-дін* с тенденцией слиться в один вариант с начальным глухим: *кыседін//кысетін* 'от человека', *кӯздін* 'из глаз'. Второй вариант часто встречается при склонении имен в форме принадлежности: *ынысынынкідін* 'от своего младшего брата'.

Система склонения в сарыг-югурском языке носит северный, «кыпчакский» («сибирский»), характер. Исключение составляет второй вариант исходного падежа с закрытой гласной аффикса — рудимент древнеуйгурской падежной парадигмы[3].

Словообразование существительных. Существительные образуются от именных и глагольных основ, к которым присоединяются следующие аффиксы:

-тшы//-тші : *йыртшы* 'певец', *потшы* 'стрелок', *тергентшы* 'возчик';

-тык//-тік : *астык* 'пиршество';

-ҕак : *орҕак* 'серп', *тарҕак* 'гребешок';

-ыҕ//-іг : *тартыҕ* 'веревка', *тарыҕ* 'просо'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В сарыг-югурском языке прилагательные подразделяются на качественные и относительные.

Качественные прилагательные образуют степени сравнения и формы с уменьшительным и усилительным значением.

[3] В. М. Насилов, *Древнеуйгурский язык*, М., 1963, стр. 37.

Степени сравнения

Положительная степень (основа): *ыпліҕ* 'высокий', *узун* 'длинный', *йахшы* 'хороший', *ак* 'белый', *йа'сыл* 'зеленый', *тохун* 'розовый'.

Сравнительная степень, образующаяся посредством аффикса *-рак//-рек* : *акрак* 'белее', *кызылрак* 'краснее', *пезгірек* (*пезік+рек*) 'больше'.

Превосходная степень, образующаяся с помощью усилительной частицы *йін//тшінін* : *йін ыпліҕы* 'самый высокий', *тшінін узуны* 'самый длинный'.

Абстрактные формы прилагательных

1. С уменьшительным значением. Образуются присоединением к основе аффикса *-ымісрек* : *аҕымісрек* 'беловатый', *йа'сыліміс рек* 'зеленоватый'.

2. С усилительным значением. Образуются сочетанием основы прилагательного с частицей из начального слога основы и согласного *п*: *топ тохун* 'чрезвычайно розовый', *ып ыпліҕ* 'самый высокий', 'высочайший', *уп узун* 'самый длинный', 'длиннейший'.

Относительные прилагательные образуются от имен путем присоединения к ним следующих формантов:

-лыҕ : *йавталлыҕ* 'с работой', 'имеющий работу', *кезгылыҕ* 'с одеждой', 'имеющий одежду';

-ныҕ : *пес тшынныҕ* 'имеющий пять цзин';

-тыҕ : *шаттыҕ* 'с теленком', 'имеющий теленка';

-дыҕ : *шаждыҕ* 'имеющий волосы', 'женщина';

-ҕы : *пыҕынҕы* 'сегодняшний';

-таҕы : *пыттаҕы* 'имеющийся на ногах'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

По своей семантике и формообразующим аффиксам числительные в сарыг-югурском языке делятся на количественные, порядковые, дробные, разделительные, собирательные.

Количественные числительные

пер//пыр 'один',
ышкы//шыкы 'два',
выш//уш 'три',
т'ӧрт 'четыре',
пес 'пять',
ал'ты 'шесть',
йыты//тшыты 'семь',

сāкыс 'восемь',
то'кыс 'девять',
он 'десять',
пырыҕырмо (<*пыр йыҕырмо*) 'одиннадцать',
ышкыйыҕырмо (<*ышкы йыҕырмо*) 'двенадцать',
йыҕырмо//*тᵘ"ыҕырмо* 'двадцать',
пер' о'тыс 'двадцать один',
ӱш о'тыс 'двадцать три',
ӱ'тᵘон 'тридцать',
ӱ'тᵘомбер (<*ӱ'тᵘон пер*) 'тридцать один',
төртон 'сорок',
песон 'пятьдесят',
ал'тон (<*ал'ты он*) 'шестьдесят',
йетон//*ҭᵘетон* 'семьдесят',
сакысон 'восемьдесят',
то'сон (<*то'кыс он*) 'девяносто',
пер йӱз 'сто',
пер мың 'тысяча'.

Числительные от 11 до 29 образуются так же, как и в древнетюркских языках методом «приближения к следующему десятку»: *ӱш о'тыс* («три единицы третьего десятка») 'двадцать три'.

Сарыг-югурский язык все еще хранит «островок старого тюркского счета»; ни в одном из современных тюркских языков такая система счета не представлена[4].

Порядковые числительные. Образуются от количественных числительных посредством аффиксов *-джы* и *-джылык*:

пырынджы//*пырынджылык* 'первый',
ӱ'тᵘынджы//*ӱ'тᵘынджылык* 'третий',
песынджы//*песынджылык* 'пятый'.

Дробные числительные. Знаменатель оформляется родительным падежом, числитель — неопределенным падежом.

шыкының быр (*йарым*) '$\frac{1}{2}$', *төрттың выш* '$\frac{3}{4}$'.

Разделительные числительные. Образуются удвоением количественного числительного и добавлением ко второй части аффикса исходного падежа:

ӱш-ӱштен 'по три', *төрт-төрттен* 'по четыре'.

Собирательные числительные. К основе количественных числительных присоединяется аффикс *-го*: *ышкого* 'вдвоем'. После «двух» формы с *-го* хотя и существуют в сознании говорящих, но не употребляются ими. Вместо этих

[4] С. Е. Малов, *К изучению турецких числительных*,—сб. «Акад. Марру», Л., 1935, стр. 271—277.

форм в ходу словосочетания: количественное числительное + «человек»: *ӱшкосы* (<*ӱш кысы*) 'три человека (втроем)', *төрткысы* 'четыре человека (вчетвером)', *сāкыс кысы* 'пять человек (впятером)'.

МЕСТОИМЕНИЯ

По форме и значению местоимения в языке сарыг югуров делятся на личные, указательные, вопросительные, определительные, возвратные, неопределенные, притяжательные и качественные.

Личные: *мен* 'я', *сен* 'ты', *ҟол*//*ол* 'он', 'она', *мыс*//*мыстер* 'мы', *cilep* 'вы', *ҟолар* 'они'.

В 3-м лице единственного числа предпочтительно употребляется местоимение *ҟол*. Формы множественного числа всех лиц сопровождаются аффиксом множественного числа, во 2-м лице множественного числа выпал *-з-*(*cilep*<**сіз — lep*), а в 3-м лице — один *л* (*ҟолар*<**ҟоллар*).

Склонение личных местоимений

Единственное число

Неопр. *мен* 'я', *сен* 'ты', *ҟол* 'он', 'она'
Род. *менің*//*міның* 'меня', *сеның*//*сіның* 'тебя', *ҟоның* 'его', 'ее'
Дат. *маҕа* (*маңа*), *мā* 'мне', *саҕа* (*саңа*) 'тебе', *ҕога* 'ему', 'ей'
Вин. *мены* 'меня', *сены* 'тебя', *ҕоны* 'его', 'ее'
Местн. *менде* 'у меня', *сенде* 'у тебя', *ҕонда* 'у него', 'у нее'
Исх. *менынкыдін*//*мендін* 'от меня', *сеныңкыдін*//*сенден* 'от тебя', *ҕоныңкыдан*//*ҕондан* 'от него', 'от нее'

Множественное число

Неопр. *мыстер* 'мы', *cilep* 'вы', *ҟолар* 'они'
Род. *мыстерның* 'нас', *cilерның* 'вас', *ҕоларның* 'их'
Дат. *мыстерге* 'нам', *cilерге* 'вам', *ҕоларҕа* 'им'
Вин. *мыстерны* 'нас', *cilерны* 'вас', *ҕоларны* 'их'
Местн. *мыстерте* 'у нас', *cilерте* 'у вас', *ҕоларта* 'у них'
Исх. *мыстертен* 'от нас', *cilертен* 'от вас', *ҕолартан* 'от них'

Указательные: *ҭо*//*ҭу* 'этот', *ҕо*//*ҕу* 'тот (близкий)': *ҕол*//*ҕул* 'тот (далекий)', *ол* 'тот (очень далекий — невидимый)'.

Склонение местоимения *ро//пу* 'этот'

Ед. число	Мн. число
Неопр. *ро//пу* 'этот'	*пулар* 'эти'
Род. *мыныҥ* 'этого'	*пуларныҥ* 'этих'
Дат. *муҕа//моҕа* 'этому'	*пуларҕа* 'этим'
Вин. *мыны* 'этого'	*пуларны* 'этих'
Местн. *мында* 'в этом'	*пуларта* 'у этих'
Исх. *мындан* 'от этого'	*пулартан* 'от этих'

В косвенных падежах единственного числа *п//м*.

Вопросительные: *k'ым//k'ымдыр?* 'кто?', 'кто это?', *не/нетыр?* 'что?', 'что это?', *kайсы//kайсыдыр?* 'который?', 'какой?', *k'ан?* 'где?', *k'атᵚан?* 'когда?'.

Определительные: *бары* 'все', *хо* (кит.) 'все'.

Возвратные: во всех лицах *е'сы//узу* 'сам', 'сама'. Во множественном числе факультативно наращивается аффикс множественного числа. В речи пожилых людей к *е'сы//узу* добавляется еще *-м* (реликт общетюркской парадигмы): *мен, сен, ҟол, мыстер, сеlер, ҟолар е'сым//узым*. В основе *е'сы* лежит **е* 'хозяин' (ср. уйг. *егä*, тат. *ийä*). **Е*, по-видимому, имело конечную гласную: **ейе*. От этой основы и образовалась *е'сы*: **ейе+сы>*ейсы>е'сы*.

Узу 'сам' состоит из *уз+у* (аффикс принадлежн. 3-го л.), в котором *уз*—вариант общетюркского *öз//ÿз*.

Неопределенные: *k'ымер* 'кто-то', 'некто', *ніер* 'что-то', 'нечто'.

Притяжательные: родительный падеж личных местоимений+аффикс *ҕы*:

1-е л.	*меныҥҕы* 'мой',	*мыстерныҥҕы*	'наш'
2-е л.	*сеныҥҕы* 'твой',	*сіlерныҥҕы*	'ваш'
3-е л.	*ҟоныҥҕы* 'его', 'ее',	*ҟоларныҥҕы*	'их'

Качественные: личные и указательные местоимения+аффикс *-даҕ//-деҕ*:

1-е л.	*мендеҕ* 'как я',	*мыстеҕ*	'как мы'
2-е л.	*сендеҕ* 'как ты',	*сіlердеҕ*	'как вы'
3-е л.	*ҕундаҕ* 'как он', 'как она',	*ҕулардеҕ*	'как они'

От указательных местоимений — *мындаҕ* 'этакий', *андаҕ* 'такой'.

НАРЕЧИЯ

В сарыг-югурском языке прилагательное в функции характеристики действия семантически тождественно наречию.

В группу собственно наречий входят либо корневые слова, либо лексикализовавшиеся формы косвенных падежей имен:

1) *Пыҕын* 'сегодня', *таҕын* 'завтра', *hеҕын* 'послезавтра', *таҥҕар* 'утром', *аз* 'мало', *салыҕ* 'тяжело', *к'ең* 'широко',

2) *kысында* 'зимой', *кузында* 'осенью', *йазында* 'весной', *ейында* 'летом'.

ПОСЛЕЛОГИ

В сарыг-югурском языке известны две группы послелогов.

Одна группа с абстрактной семантикой управляет падежной формой зависимого слова:

а) неопределенным падежом — *утᵚін nile, потᵚін* 'с', 'вместе с': *ынӯтᵚін nile* 'вместе с младшим братом', *пычак потᵚін* 'ножом'; *сеін//сён* 'еже-': *к'ӯн сеін* 'с каждым днем', *сыk сён* 'по каждой двери';

б) исходным падежом — *соҥ-* 'после': *семенден соҥ* 'после еды', *гунзодан соҥ* 'после работы'; *бері* 'в течение': *он к'ӯнден бері* 'в течение десяти дней'.

Вторая группа послелогов с конкретной семантикой образует с зависимым словом определительное словосочетание. В позиции определяемого послелоги теряют свое конкретное значение и выступают уточнителями положения предмета или лица в пространстве.

К этой группе относятся следующие послелоги:

1) *ез* 'верхняя часть' — *йӯныҥ езе* 'верхняя часть дома';

2) *а'тыр* 'нижняя часть' — *йӯныҥ а'тыры* 'низ дома';

3) *hетᵚ* 'внутренняя часть' — *йӯныҥ hетᵚі* 'внутренняя часть дома';

4) *ара* 'середина'—*балыктыҥ ара* (*сы*) 'промежуток между стенами';

5) *о'рта* 'середина' — *аҕылныҥ о'рта*(*сы*) 'середина двора';

6) *тып* 'дно' — *керныҥ тывы* 'дно чашки'.

ГЛАГОЛ

В тюркских языках словоизменение глагола идет по лицам, числам, временам и наклонениям.

Сарыг-югурский язык во временных формах утратил изменение по лицам и числам. Причина разрушения общетюркской временной парадигмы в сарыг-югурском языке непосредственно связана с исчезновением различий в лице и числе форм принадлежности и сказуемости, форманты которых участвуют в сложении времен.

Идентичная структура временных форм имеется в саларском языке. Она сложилась под воздействием той же причины, что и в языке сарыг-югуров.

Таким образом, среди тюркских языков только два языка

(сарыг-югурский и саларский) не имеют личного оформления в спряжении, тогда как в большинстве языков спрягаемые формы строго различаются по лицам и числам.

Интересно, что в системе монгольских языков дело обстоит как раз наоборот: в большей части языков личного спряжения нет, оно имеется только в калмыцком, бурятском языках, а также в диалектах монгольского языка КНР[5].

Наклонений сарыг-югурского глагола четыре: изъявительное, повелительное, желательное и условное. Времена образуют вопросительную форму, отрицательную форму (ей противостоит «нулевая» положительная форма) и формы возможности и невозможности действия.

Семантика трех последних форм шире семантики наклонений и времен, поэтому и форманты отрицательной формы и форм возможности и невозможности предшествуют формантам времен и наклонений. От глагольных основ посредством специальных аффиксов образуются причастия и деепричастия.

Изъявительное наклонение

Настоящее время момента речи

Передает действие, которое происходит в момент речи.

Положительная форма:

основа глагола+аффикс деепричастия *-п*+глагол *пар-* 'идти', во 2-м и 3-м лицах//основа глагола+аффикс деепричастия *-у*+аффикс сказуемости *-дро*:

мен (*мастер*) *маңып пар* 'я иду (сейчас)', 'мы идем (сейчас)';

сен (*сілер*) *маңу-дро//маңып пар* 'ты идешь (сейчас)', 'вы идете (сейчас)';

гол (*голар*) *маңу-дро//маңып пар* 'он идет (сейчас)', 'они идут (сейчас)'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс деепричастия *-у*+частица отрицания *йоктыр//йоктро*:

мен (*мыстер*) *маңу йоктыр//йоктро* 'я не иду (сейчас)', 'мы не идем (сейчас)' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-у*+*тшіда* 'мочь'+аффикс времени *-ҕыш*+аффикс сказуемости *-тро* (факультативно):

[5] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*,—«Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», t. XIX, Helsingfors, 1903, p. 22; Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960, стр. 37.

мен (*мыстер*) *маңу тшідаҕыш* (*тро*) 'я могу пойти (сейчас)', 'мы можем идти (сейчас)' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-у*+глагол *йата-* 'не мочь'+аффикс времени *-ҕыш*+аффикс сказуемости *-тро* (факультативно):

мен (*мыстер*) *маңу йатаҕыш* (*тро*) 'я не могу идти (сейчас)', 'мы не можем идти (сейчас)' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс деепричастия *-п*+глагол *пар-* 'идти'+вопросительная частица *-мі//-ым*:

мен (*мыстер*) *маңып пармі?//маңып парым?* 'иду ли я (сейчас)?', 'идем ли мы (сейчас)?' и т. д.

Настоящее время обычного действия

Обозначает действие, которое совершается обычно или регулярно.

Показателем времени служит аффикс *-ҕак//-гек*, *-kak//-кек* (в фольклоре сохранились формы с аффиксом *-ҕak...+ер*, где *ер* — стяженное **ерӱр* от глагола **ер-* 'быть').

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *кегыргек*(*ер*) 'я приношу', 'мы приносим';

сен (*сілер*) *кегыргек*(*ер*) 'ты приносишь', 'вы приносите';

гол (*голар*) *кегыргек*(*ер*) 'он приносит', 'они приносят'.

Другие формы, производные по структуре, неупотребительны.

В южном диалекте языка синьцзянских уйгуров форма на *-ҕak...*, потеряв свое временно́е значение, стала обозначать одну из форм состояния[6].

Прошедшее очевидное время

Констатирует факт совершения действия в прошлом. Показатели времени — аффиксы *-'те//-те//-де* (независимо от предшествующего гласного).

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *kara'те* 'я смотрел', 'мы смотрели';
сен (*сілер*) *kara'те* 'ты смотрел', 'вы смотрели';
гол (*голар*) *kara'те* 'он смотрел', 'они смотрели'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ма//-ме*+аффикс времени;

мен (*мыстер*) *карама'те* 'я не смотрел', 'мы не смотрели' и т. д.

[6] Э. Р. Тенишев, *О диалектах уйгурского языка Синьцзяна*,—«Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 146.

Форма возможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-ō*+глагол *тᵚіда-* 'мочь', 'быть в состоянии'+аффикс *-ҕаk*:

мен (*мыстер*) *карō тᵚідаҕаk* 'я мог смотреть', 'мы могли смотреть' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-ō*+глагол *йата-* 'не мочь', 'не быть в состоянии'+аффикс *-ҕаk*:

мен (*мыстер*) *карō йатаҕаk* 'я не мог смотреть', 'мы не могли смотреть' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс *'те*+вопросительная частица *м*:

мен (*мыстер*) *кара'тым* (<*кара'те*+*м*)? 'смотрел ли я?', 'смотрели ли мы?' и т. д.

Прошедшее результативное время

Передает действие, которое воспринимается по его результату или следствию.

Показателем времени является аффикс *-ҕан*//*-ген*, *-kан*//*-кен*. (В фольклоре встречается еще форма *-ҕан*+*ер*, где *ер*— стяженное **ерӯр* — настоящее время от старого глагола **ер-* 'быть').

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *алҕан* 'я взял', 'мы взяли',

сен (*сіlер*) *алҕан* 'ты взял', 'вы взяли';

гол (*голар*) *алҕан* 'он взял', 'они взяли'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ма*//*-ме*+аффикс *ҕан*//*-ген*:

мен (*мыстер*) *алмаҕан* 'я не взял', 'мы не взяли' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-ō*+глагол *тᵚіда-* 'мочь'+аффикс времени:

мен (*мыстер*) *алō тᵚідаҕан* 'я мог взять', 'мы могли взять' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола+аффикс деепричастия *-ō*+глагол *йата-* 'не мочь'+аффикс времени:

мен (*мыстер*) *алō йатаҕан* 'я не мог взять', 'мы не могли взять' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс времени+вопросительная частица *мі*:

мен (*мыстер*) *алҕам* (<*алҕан*) *мі?* 'взял ли я?', 'взяли ли мы?' и т. д.

Прошедшее определенное время

Передает факт совершения действия в прошлом, по своей семантике близко к прошедшему очевидному времени.

Образуется по схеме: основа глагола+аффикс деепричастия *-п*+аффикс *-тро*//*-дро*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *т'утуп тро* 'я схватил', 'мы схватили';

сен (*сіlер*) *т'утуп тро* 'ты схватил', 'вы схватили';

гол (*голар*) *т'утуп тро* 'он схватил', 'они схватили'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс деепричастия *-пīн*+аффикс *-тро*//*-дро*:

мен (*мыстер*) *тутпīн дро* 'я не схватил', 'мы не схватили' и т. д.

Другие формы не употребительны.

Давнопрошедшее время 1-е

Обозначает действие, которое произошло в далеком прошлом или прошедшее действие, совершившееся раньше другого, также прошедшего, действия. Приметой времени служит аффикс *-о'те* (независимо от предшествующей гласной).

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *кело'те* 'я приходил (давно)', 'мы приходили (давно)';

сен (*сіlер*) *кело'те* 'ты приходил (давно)', 'вы приходили (давно)';

гол (*голар*) *кело'те* 'он приходил (давно)', 'они приходили (давно)'.

Остальные формы не употребительны.

Давнопрошедшее время 2-е

Если давнопрошедшее 1-е семантически соотносится с прошедшим очевидным, то давнопрошедшее 2-е — с прошедшим результативным.

Показатель времени — *-ōҕан*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *келōҕан* 'я приходил (давно)', 'мы приходили (давно)';

сен (*сіlер*) *келōҕан* 'ты приходил (давно)', 'вы приходили (давно)';

гол (*голар*) *келōҕан* 'он приходил (давно)', 'они приходили (давно)'.

Другие формы этого времени не употребляются.

Будущее ближайшее время

Обозначает действие, которое вот-вот совершится. Образуется посредством аффикса *-ҕыш//-геш*, *-кыш//-кеш*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *маҥҕыш* 'я пойду (сейчас)', 'мы пойдем (сейчас)';

сен (*сіlер*) *маҥҕыш* 'ты пойдешь (сейчас)', 'вы пойдете (сейчас)';

гол (*голар*) *маҥҕыш* 'он пойдет (сейчас)', 'они пойдут (сейчас)'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ҕы//-ге*, *-кы//-ке*+аффикс *-ме+с*:

мен (*мыстер*) *маҥҕымес* 'я не пойду (сейчас)', 'мы не пойдем (сейчас)' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс времени+частица вопроса *мі*:

мен (*мыстер*) *маҥҕыш мі*? 'пойду ли я (сейчас)?', 'пойдем ли мы (сейчас)?' и т. д.

Формы возможности и невозможности будущего ближайшего не употребительны.

Будущее намерения

Выражает стремление, намерение совершить действие в будущем.

Положительная форма:

основа времени+аффикс *-ҕы//-ге*, *-кы//-ке+теп* (деепричастие на *-п* от *те-* 'говорить')+глагол *пар-* 'идти':

мен (*мыстер*) *кесҕы теп пар* 'я собираюсь резать', 'мы собираемся резать';

сен (*сіlер*) *кесҕы теп пар* 'ты собираешься резать', 'вы собираетесь резать';

гол (*голар*) *кесҕы теп пар* 'он собирается резать', 'они собираются резать'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ҕы...+тев* (<*теп*)+отриц. *йок* или основа глагола+аффикс *-ҕы...*+аффикс *-ме+с*+аффикс сказуемости *-тро*:

мен (*мыстер*) *кесҕы тев йок//кескымес-тро* 'я не собираюсь резать', 'мы не собираемся резать'.

Форма возможности не употребительна.

Форма невозможности:

основа глагола+глагол *ал-* 'брать'+аффикс *-ҕы...*+аффикс *ме+с*+аффикс сказуемости *-тро*:

мен (*мыстер*) *кесалҕымес тро* 'я не смогу резать', 'мы не сможем резать' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс *-ҕы...+теп*+глагол *пар-* 'идти'+вопросительная частица *мі*:

кескы теп пармі? 'собираюсь ли я резать?', 'собираемся ли мы резать?' и т. д.

Будущее неопределенное время

Выражает действие, в совершении которого говорящий не уверен. Образуется посредством форманта *-ар//-ер*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *тызар* 'я напишу (вероятно)', 'мы напишем (вероятно)';

сен (*сіlер*) *тызар* 'ты напишешь (вероятно)', 'вы напишете (вероятно)';

гол (*голар*) *тызар* 'он напишет (вероятно)', 'они напишут (вероятно)'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ма//-ме+с*:

мен (*мыстер*) *тызмас* 'я не напишу (вероятно)', 'мы не напишем (вероятно)' и т. д.

Формы возможности, невозможности и вопросительная форма не употребительны.

Будущее определенное время

В совершении действия у говорящего нет сомнений. Образуется посредством аффикса *-ҕу//-гу*, *-ҕо//-го*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *маҥҕо* 'я поеду', 'мы поедем';

сен (*сіlер*) *маҥҕо* 'ты поедешь', 'вы поедете';

гол (*голар*) *маҥҕо* 'он поедет', 'они поедут'.

Отрицательная форма:

основа глагола+аффикс *-ҕы*+аффикс *-ме+с*:

мен (*мыстер*) *маҥҕымес* 'я не поеду', 'мы не поедем' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола+аффикс *-ҕы*+вопросительная частица *м*:

мен (*мыстер*) *маҥҕым*? 'поеду ли я?', 'поедем ли мы?' и т. д.

По морфолого-семантическим признакам систему времен изъявительного наклонения сарыг-югурского глагола можно изобразить в виде следующей схемы:

I. Настоящее время (*маҥып пар*) // будущее намерения (*кесҕы теп пар*)~будущее ближайшее (*маҥҕыш*);

будущее определенное (*маҥҕо*)~будущее неопределенное (*тызар*) // настоящее обычного действия (*кегыргек*).

II. Прошедшее очевидное (*kapa'me*) ~ прошедшее результативное (*алҕан*); давнопрошедшее 1-е (*кело'me*) ~ давнопрошедшее 2-е (*келбҕан*).

Система сарыг-югурских времен состоит из двух подсистем: сферы настоящих и будущих времен (I) и сферы прошедших времен (II)[7].

Некоторые времена имеют параллельные формы, акцентирующие тот или иной оттенок действия[8].

Повелительное наклонение

Во 2-м и 3-м лице повеление передается основой глагола.

Положительная форма:

сен (*cilep*) *ызыт*! 'ты посылай!', 'вы посылайте!';

гол (*голар*) *ызыт*! 'пусть он посылает!', 'пусть они посылают!'

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-ма//-ме*, *-па//-пе*:

сен (*cilep*) *ызытпа! кырме!* 'ты не посылай!', 'ты не входи!', 'вы не посылайте!', 'вы не входите!';

гол (*голар*) *изытпа! кырме!* 'пусть он не посылает!', 'пусть он не входит!', 'пусть они не посылают!', 'пусть они не входят!'.

Желательное наклонение

Парадигма желательного наклонения носит супплетивный характер: 1-е лицо — аффикс *-ен*, 2-е лицо — основа глагола, 3-е лицо — аффикс *-ҕай//-гей*, *-кай//-кей* или *ҕый//-гій*, *-кый//-кій*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *паштēн* (<*паште*+*ен*) 'начну-ка я!', 'начнем-ка мы!';

сен (*cilep*) *пашта*! 'ты начинай!', 'вы начинайте!';

гол (*голар*) *паштаҕый*! 'начать бы ему!', 'начать бы им!'.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-ма//-ме*; *-па//-пе*:

мен (*мыстер*) *паштамēн*! 'не начинать бы мне!', 'не начинать бы нам!';

сен (*cilep*) *паштама*! 'ты не начинай!', 'вы не начинайте!';

гол (*голар*) *паштамаҕый*! 'не начинать бы ему!', 'не начинать бы нам!'.

[7] Ср. в монгольском языке: G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*, стр. 21.

[8] Б. А. Серебренников, *Система времен татарского глагола*, Казань, 1963, стр. 66.

Только для двух и более лиц желательная форма образуется посредством форманта *-іны*: *паріны*! 'пойдем-ка!', *каріны*! 'посмотрим-ка!', *ызділны* 'пошлем-ка!'.

Отрицательная форма имеет приметой аффикс *-мīны//мīна* (<*-ма//-ме*+*іна*):

пармīна! 'не пойдем!'; *карамīна*! 'не посмотрим!'; *ызытпīна*! 'не вышлем!'.

Условное наклонение

Для всех лиц и чисел один и тот же аффикс *-са//-се*.

Положительная форма:

мен (*мыстер*) *кел'се* 'если я приду', 'если мы придем';

сен (*cilep*) *кел'се* 'если ты придешь', 'если вы придете';

гол (*голар*) *кел'се* 'если он придет', 'если они придут'.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-ма//-ме*, *-па//-пе*:

мен (*мыстер*) *келмесе* 'если я не приду', 'если мы не придем';

сен (*cilep*) *келмесе* 'если ты не придешь', 'если вы не придете';

гол (*голар*) *келмесе* 'если он не придет', 'если они не придут'.

Причастия

Различаются по временам и определяют признак предмета или лица.

1. Причастие настоящего времени, образующееся с помощью аффикса *-оҕан//-уҕан*: *маҥоҕан а'т* 'идущий конь', *сатоҕан кегде* 'продающаяся бумага', *акуҕан су* 'текущая вода'.

2. Причастие прошедшего времени, образующееся посредством аффикса *-ҕан//-ген*, *-кан//-кен*: *алҕан пытыҕ* 'взятая// купленная книга', *келген кысе* 'пришедший человек', *айткан сöз* 'спрошенное слово', *тыккен тон* 'сшитая шуба'.

3. Причастие будущего времени, образующееся при помощи аффикса *-ар//-ер*: *сатар тавар* 'шелк, который продадут', *кайнар су* 'вода, которая закипит', *тш"ер кемзы* 'пища, которую съедят'.

Деепричастия

Деепричастия обозначают дополнительные действия к главному и образуются посредством следующих аффиксов:

1) аффикса *-а//-е*, *-о//-ō*, *-у//-ӯ*, *-ы(й)//і(й)*. Передает действие, совершающееся в одно и то же время с действием глав-

ного глагола, употребляется в удвоенном виде: *маңа-маңа* 'идя', *тыңні-тынні* 'слушая', *уңшый-уңшый* 'читая', *паро* 'идя', *тыкō* 'сшивая';

2) аффикса *-п*. Обозначает действие, которое предшествует действию главного глагола: *алып парты* 'унес', *карап кел'ты* 'посмотрев, пришел';

3) аффикса *-ҕаш//-геш*, *-каш//-кеш*. Обозначает действие, предшествующее главному действию: *пыр йыл йöргенгеш* 'проучившись один год', *йаҕмыр йаккаш* 'как только полил дождь';

4) аффикса *-ҕанче//-гінче*, *-канче//-кінче*. Обозначает дополнительное действие, без которого не реализуется и главное действие: *йа'тканче узык кап-тро* 'как только лег, (сразу) уснул', *тігінче ханы'те* 'после того как сказал, удалился';

5) аффикса *-ҕыла//-гіле*, *-кыла//-кіле*. Передает цель дополнительного действия: *карабыла пар'те* 'пошел (чтобы) посмотреть', *сатыҕ еткеле кел'те* 'пришел (чтобы) продать';

6) аффикса *-мēн//-мін* — отрицательная форма деепричастия[9] в сарыг-югурском языке: *таңҕар агармēн к'опте* 'поднялся до рассвета', *ышмін маңді* 'уехал, не поев'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Производные глагольные основы возникают от имен и глаголов.

От имен глаголы могут быть получены следующим образом:

1. Аффиксально:

-ла//-ле: *йырла-* 'петь', *кеple-* 'начинаться';

-та//-те: *аста-* 'пировать', *тысте-* 'кусать';

-на//-не: *аңна-* 'понимать';

-а//-е: *йаса-* 'жить', *амыра-* 'успокаиваться', *тыle-* 'желать', 'просить'.

2. Словосложением (имя+вспомогательный глагол): *сатыҕ ет-* 'торговать', *от кыл-* 'разводить огонь', *йок кыл-* 'уничтожать'.

От глаголов при помощи некоторых аффиксов образуются вторичные глагольные основы или залоги. К ним принадлежат такие формы:

а) взаимный залог с аффиксом *-с* (после гласных) и гласная+*с* (после согласных): *ларлас-* 'говорить (вместе)', *п'ерыс-* 'драться (взаимно)', *чöкіс-* 'преклонять колена (совместно)';

[9] W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Л., 1928.

б) возвратный залог с аффиксом *-н* (после гласных) и гласная+*н* (после согласных): *йўрген-* 'учиться', *кезін-* 'одеваться';

в) страдательный залог с аффиксом *-л(l)* (после гласных) и гласная+*л* (*l*) (после согласных): *аңнал-* 'быть понятым', *пытыл-* 'быть законченным';

г) понудительный залог с аффиксами:

-тыр (*дыр*): *калдыр-* 'заставить остаться', 'оставить', *тут-тыр-* 'заставить поймать', 'схватить';

-т: *кайнат-* 'заставить кипеть', *уңшыт-* 'заставить читать';

-ыр: *пысыр-* 'заставить вариться', 'варить', *пытыр-* 'заставить оканчиваться', 'окончить';

-ур: *туҕур-* 'помогать при родах'.

Сочетание деепричастий (*-п*, *-а//-е*, *-о*) со вспомогательными глаголами (*йат-* 'лежать', *йаз-* 'грешить', 'ошибаться', *йоз-* 'миновать', 'опережать' и др.) представляет собой аналитические глаголы с различными оттенками способа действия:

карават- (<*карап*+*йат-*) 'смотреть (долго)', *алват-* (<*алып*+*йат-*) 'брать (длительно)', *кеle йаз-* 'едва, чуть не прийти', *оңшō йоз-* 'прочитать все, с начала до конца'.

Сарыг-югурский глагол по своим особенностям в группе *з*-языков занимает изолированное положение. Если системы глаголов в хакасском и шорском языках почти идентичны, то система сарыг-югурского глагола отклоняется от этого единства и образует целостную картину, не повторяющуюся ни в одном из тюркских языков. Следует ожидать, что в хакасском и шорском глаголах больше всего сохранились особенности разговорного языка древних кыргызов, а в сарыг-югурском — особенности народного древнеуйгурского языка. Та и другая системы несут на себе кыпчакское влияние (форма на *-ҕан* в отличие, например, от формы на *-мыш* в южнотюркских языках).

СИНТАКСИС

В сарыг-югурском синтаксисе, как и в синтаксисе других тюркских языков, действует правило, которому следуют и словосочетания и предложения: подчиненный элемент находится перед подчиняющим.

Словосочетание. В двучленном определительном словосочетании первый член сочетания (определение) всегда предшествует связанному с ним по смыслу второму члену (определяемое).

Определениями могут быть прилагательные, числительные, местоимения и существительные: *к'ўк тᵚалыҕ* 'синяя плетка (из кожи)', *сарыҕ тᵚыҕ* 'желтый чай', *к'ер боқа* 'темно-желтый бык', *т'ёрт йақ* 'четыре стороны', *он таҕ* 'десять гор'.

В определительной группе, образующей семантическое единство, изменяется только определяемое: *кёк таққа шоры воса* 'если появится трещина в синих горах'.

Если в роли определения выступает существительное, члены определительной группы снабжаются формантами — либо оба члена, либо только второй; в некоторых случаях эти форманты опускаются. Такого рода сочетания, которые в тюркских грамматиках именуются изафетом, делятся на три вида.

1. Определение обозначает вещество, материал, имя собственное; морфологических показателей ни определение, ни определяемое не имеет, оба члена связаны только порядком слов: *темер йол* 'железная дорога' (<железо-дорога), *Сумыр таҕ* 'гора Сумеру' (<Сумеру гора), *«Ала Кукаш» йыр* 'песня «Пестрый воробей»' (<«Пестрый воробей» песня).

2. Определение обозначает нерасчлененную общность, к которой принадлежит и определяемое; определение остается в «нулевой» форме, а определяемое получает аффикс принадлежности 3-го лица: *туң па'тᵚі* 'вершина возвышенности', *ақ қайа баҕыры* 'сторона светлой скалы' (в фольклоре).

3. Определение обозначает лицо или конкретный предмет и оформлено аффиксом родительного падежа, при определяемом показатель принадлежности 3-го лица: *Ақ к'анның қызы* 'дочь Ак-хана', *по к'ісының тызҕан к'егтесі* 'письмо, написанное этим человеком'.

Предложение. Для простого распространенного предложения в сарыг-югурском языке, как и в других тюркских языках, характерен определенный порядок слов, который служит как бы «эталоном» структуры предложения спокойной повествовательной речи. На первом месте находится подлежащее. Если есть обстоятельства (места, времени и др.), то, поскольку они выражают понятия, относящиеся к предложению в целом, их место в предложении оказывается перед подлежащим.

На втором месте, после подлежащего, дополнения — косвенное и прямое. Прямое дополнение ближе к сказуемому, чем косвенное. На последнем месте в предложении — сказуемое.

Пропуск одного из членов дает неполное, эллиптическое предложение: *Сўкчіте мен гунзо алай пар* 'я работаю в Сучжоу'. В живой эмоционально окрашенной речи нормальный порядок слов, естественно, нарушается. Тот или иной член предложения, который необходимо выделить по смыслу, получает усиленное ударение и передвигается непосредственно к сказуемому. Инверсии может подвергаться любой член предложения: *к'ў'кты к'ақ'ты к'ім маҕақ ер?* 'драгоценности кто носит?' (под фразовым ударением — подлежащее); *гунзоны семенден соң пашта'ты* 'мы начали работать после обеда' (под фразовым ударением — обстоятельство времени); *мыс Січі-Хачідан келген-дро* 'мы пришли из Сичи-Хачи' (под фразовым ударением — обстоятельство места).

В сложном предложении сочинение и подчинение осуществляется бессоюзным путем.

Союзов не имеют придаточные «в чистом виде» — придаточные условные, в древних и современных тюркских языках обычно оформляемые союзным словом: *тылеп пахса, ке'п атᵚақ' салоҕан-тро* 'если пробовал просить, испытывал много горестей'; *ломтᵚы Картампал пар воса, муне тᵚыда 'шена* 'если есть (у нас) проповедник Картампаль, то все это мы сможем сделать'.

Причастные, деепричастные и именные обороты со своим подлежащим, соответствующие одному из видов русского придаточного, также не имеют союзов: *теңырден йаҕмыр йаққаш меның hот те шытық тірыват тол'те* 'после того как пошел дождь, моя трава стала мокрой'; *Лан'чжоуҕа йе'ткенде Лан'чжоу шуңту йакшы көрген-дро* 'когда (мы) пришли в Ланьчжоу, Ланьчжоуский правитель (нас) хорошо принял'.

Многие подчинительные отношении передаются простыми предложениями, скрепленными логической последовательностью и смыслом [10]: *тᵚамалыҕ полҕан-дро, йўс сақыс а'т перін тіген-дро* 'после того как ввели (обычай) подносить коней, приказали подарить 108 коней'.

В некоторых случаях предложения в положении главного начинаются с наречного слова *антақ канта* (<*антаҕ+қылҕанта*) 'делая таким образом': *санахсын санап-тро; йўз сақес санаҕы поп-тро, антақ канта пу пег антаҕ тіген-тро, антаққанта тᵚ'а перып-тро* 'сосчитал их число; когда счет сравнялся со 108, вот князь и сказал так, приказал подать чай'.

ЛЕКСИКА

Лексика сарыг-югурского языка состоит из слов общетюркского фонда и специфичных слов, употребляемых теперь только желтыми уйгурами. В этом легко убедиться, просматривая словарь С. Е. Малова [11].

[10] D. R. Fokos-Fuchs, *Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandschaft*, Wiesbaden, 1962, p. 106.

[11] С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров*.

В прошлом у сарыг югуров был распространен шаманизм. Язык все еще хранит разветвленную сеть терминологии исчезающих ныне шаманских мистерий. Во время первой поездки С. Е. Малов наблюдал еще шаманские моления и сделал детальное их описание, фиксируя культовые термины[12]. Каково происхождение шаманской терминологии у желтых уйгуров? Отсутствие труда по сравнительному изучению архаичной шаманской лексики тюркских языков с историко-культурной и лингвистической сторон не позволяет определенно ответить на этот вопрос.

Сарыг югуры генетически связаны с древними уйгурами, поэтому не удивительно, что в их языке сохранились и такие слова, которые характерны для памятников уйгурского и рунического письма, отражающих литературный древнеуйгурский язык.

Вот некоторые примеры:

аҕыт- 'прогонять, удалять', ср. Chuast. 84[13] КТб 47;

ай- 'говорить, сказать', ср. Chuast. 153; Toñ., 31, 32; RBγ., 110;

айт- 'спрашивать', ср. *айыт*: Suv. 610 $_{12}$, КВ, II, 60;

ати 'внук, маленький', ср. *аты*: КТм 13;

йаҕла'кар//йаҕлакыр//йаҕлы'кыр — название рода, ср. *йаҕлакар* в памятнике из Сучжи[14].

йöглän-//йüглän- 'подготовиться', ср. *öглän-*: Suv. 619 $_{9}$;

йот//йут — название циклового года, ср. *йонт*: Ths, 7;

мінік//менек//менік//мінек 'деньги, медная монета', ср. *мänік*; *бänäк*: МК I 386 $_{5}$;

олур- 'поселиться, жить', ср. Toñ. 7; Ths, 88; Suv. 603 $_{15}$.

На фоне тюркской, основной, лексики сарыг-югурского языка заметны иноязычные слова. Они отражают культурные и хозяйственные связи сарыг югуров с другими народами и приурочиваются к определенным этапам истории сарыг югуров.

В IX в. вместе с потоком древних уйгуров сарыг югуры переселяются на территорию Китая и вступают во взаимоотношения с народами Китая и Центральной Азии. Постепенно они усваивают буддизм, исповедуемый тибетцами и монголами. Этим объясняется тот факт, что в сарыг-югурском языке очень немного арабских и персидских слов, столь обильных в западнотюркских языках, находящихся в орбите мусульманской культуры.

[12] С. Е. Малов, *Остатки шаманства у желтых уйгуров.*

[13] Примеры и документация даны по кн.: С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951.

[14] С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1962, стр. 87—90.

К таким редким для сарыг-югурского языка словам относятся, например, следующие: *мартᵚан* 'коралл', восходит к араб. مَرْجَان; *тᵚан* 'душа', восходит к перс. جان; *кегде//кегте* 'бумага' от иранск. *kägdä*, ср. перс. كاغذ.

В результате давних связей с Индией, очагом буддийской культуры, сарыг югуры усвоили санскритские слова.

Слово ритуального характера *ертені//ертні*, или *йертіні//йіртіне* 'сокровище', восходит к санскр. *ratna*. Это слово было широко известно древним уйгурам — встречается оно и в «Сутре Золотого блеска», и в юридических памятниках, и в «Словаре» Махмуда Кашгарского.

Словом *сарт*, известным и тюркам Средней Азии, сарыг югуры называют дунган; раньше, по-видимому, это слово обозначало индийских купцов, а затем было перенесено на торговцев с запада и вообще на людей западной для уйгуров мусульманской культуры.

Вместе с ламаизмом широко влились в сарыг-югурский язык тибетские и монгольские слова.

Примеры:

чо 'главная кумирня', восходит к тиб. *mčhod-rten*[15];

улу 'дракон', восходит к тиб. *klu*;

тāлы//дāлы 'море', восходит к монг. *далай*;

амыр 'спокойный', восходит к монг. *амар*;

ачыҕыр 'платок', восходит к монг. *алчуур*;

ḳурым 'буддийское моление', восходит к монг. *хурим* 'пир', 'празднество';

ḳуple 'молитвенный вращающийся барабан', восходит к монг. *хурде*.

Монгольских слов очень много в языке сарыг югуров. Часть народа (шира югуры) теперь совершенно забыла тюркский язык и говорит по-монгольски. Но самый мощный слой заимствованной лексики — слова из китайского языка.

Сарыг югуры, по-видимому, очень давно владели китайским языком. Об этом свидетельствуют переводы на древнеуйгурский язык многих буддийских сутр, написанных на китайском языке. Любопытно, что город Сучжоу (теперь Цзюцюань) сарыг югуры называют *Сӱкчі*, т. е. так же, как и древние уйгуры (Suv. I, стр. XIII, сноска), а город Ганьчжоу — *Ҕамсы*, у древних уйгуров — *Камчы* (Suv. I, стр. XIII, сноска).

В течение тысячи с лишним лет китайский язык, теперь государственный язык у желтых уйгуров, — активно действующий фактор, влияющий и на лексику и на весь строй сарыг-

[15] G. de Roerich, *Tibetica. I. Dialects of Tibet. The tibetan dialect Lahul*, New York, p. 93.

югурского языка. В особенности много китайской лексики влилось в сарыг-югурский язык в последние десятилетия. К ним относятся термины из самых различных областей государственной жизни, хозяйства, быта, культуры и просвещения, производства, военного дела и др.

Примеры:

ц̣ш̆ыҥ шы 'политика', из 政治 *чжэнчжи*;
ш"іа фа 'конституция', из 憲法 *сяньфа*;
ш"іан 'район', 'уезд', из 縣 *сянь*;
суҥ 'село', из 村 *цунь*;
сын 'область' из 省 *чэн*;
дуй 'отряд', из 隊 *дуй*;
вейзы 'камыш', из кит. *вейцзи*;
хынзы 'урюк', из 杏 *хын*;
ш"о ш"іав 'школа', из 学校 *сюэсяо*;
чо йан 'учитель', из 教員 *изяоюань*;
пыҥзы 'тетрадь', из 本子 *бэньцзы*;
фей цы 'самолет', из 飛机 *фэйцзи*;
йіҥ ц̣ш̆аҥ 'майор', из 營長 *йинчжан*
и мн. др.

МЕСТО САРЫГ-ЮГУРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Сарыг-югурский язык до VIII—IX вв., предположительно, был *д*-языком. Под воздействием языка древних кыргызов он трансформировался в *з*-язык. В какой-то мере его коснулось кыпчакское влияние (йотированное произношение начальных широких гласных, причастие и прошедшее время на *-ҕан*).

После переселения в Китай (в IX—X вв.) язык сарыг югуров подвергся сильному и продолжительному воздействию китайского языка. Сложилась система сильных и слабых глухих согласных, в морфологии развился аналитизм, в лексику влилось большое число китайских слов. Кроме китайских элементов, сарыг-югурский язык усвоил слова из монгольского, тибетского, санскритского языков. Таким путем, можно думать, сложился современный, сильно смешанный язык сарыг югуров, один из самостоятельных и чрезвычайно интересных языков тюркской системы.

В классификации тюркских языков А. Н. Самойловича сарыг-югурский язык входит в «северо-восточную» группу и вместе с койбальским, сагайским, качинским, бельтирским, шорским, кызыльским диалектами хакасского языка и камасинским, кюэрикским диалектами языка чулымских тюрков составляет подгруппу *з*-языков (*з*-диалектов, по А. Н. Самойловичу)[16].

По количеству предполагаемых древних элементов С. Е. Малов отнес язык сарыг югуров наряду с булгарским, чувашским и якутским языками к «древнейшим» тюркским языкам[17].

Н. А. Баскаков в своей классификации тюркских языков включил сарыг-югурский язык в «хакасскую» подгруппу «уйгурской» группы, которая с «киргизско-кыпчакской» группой образует «восточнохуннскую» ветвь тюркских языков[18].

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ

Зōна[19]

Зона-йа Зона, Зона йаҥці, Зōна-й.
Он таҕныҥ артыҥҕа, Зōна-й,
авам йурті, Зōна-й.
Уш' таҕныҥ артыҥҕа, Зōна-й,
анам цōр̆'ті, Зōна-й.
Ху тавар̆ емсак тійу, Зōна-й,
кезгік̆ ір̆ ні, Зōна-й.
Йіз самтсы тырыҕдыр дійу, Зōна-й,
к'ем кезгекер, Зōна-й?
К'ў'кты к'ак'ты, Зōна-й,
к'ім маҥҕакер, Зōна-й?
Ўнчіны тананы, Зōна-й,
маҥҕакер ні, Зōна-й,
Авамҕа йўс сāкыс, Сōна-й,
пытыҕ тейлін перін, Зōна-й.
Авамҕа сем міне, Зōна-й.
панныҕдыр, ді, Зōна-й.
К'ўк цалых, āнысы, Зōна-й,
т'емдік тыр, ді, Зōна-й
К'ōк т^ш'уко, āнысы, Зōна-й,
тырлыҕдыр, ді, Зōна-й.
К'ўк ігеш' к'ўк йалыҕ, āнысы, Зōна-й,
астыҕдыр, ді, Зōна-й.
Анамҕа сем мені, Зōна-й,
йірготыр, ді, Зōна-й.

---

[16] А. Самойлович, *Некоторые дополнения к классификации турецких языков*, Пг., 1922, стр. 8—9, 15.

[17] С. Е. Малов, *Древние и новые тюркские языки*,—«Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 142.

[18] Н. А. Баскаков, *К вопросу о классификации тюркских языков*,—«Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 134. См. еще: Kaare Thomsen, *Die Sprache der Gelben Uiguren und das Salarische*,—«Philologiae Turcicae fundamenta», Wiesbaden, 1959, p. 565.

[19] Ср. Песню Хондельчин в записи С. Е. Малова: С. Е. Малов, *Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров*, стр. 309, 310.

Анамқа йўс сақыс, Зōна-й,
март^{ш}ам ҉ерīн, Зōна-й!
Ҙорны сымаллыҕ, Зōна-й,
сатқак ір ні, Зōна-й.
Мырчықты сумаллыҕ, Зōна-й,
к'ім сатқакір, Зōна-й?
Йімса'к к'ыр, анысын, Зōна-й.
сатқак ір ні, Зōна-й.
Сарыҕ т^{ш}ыҕ шуқтыҕын, Зōна-й,
к'ім сатқак ір, Зōна-й?
Путоны сымаллыҕ, Зōна-й,
сатқак ір ні, Зōна-й.
Қой мірґі сумаллыҕ, Зōна-й,
к'ем сатқак ір, Зōна-й?

ПЕРЕВОД

Зōна

Зōна-я, Зōна, несчастная (букв. такая) Зōна, Зōна-й.
За десятью горами, Зōна-й
дом (моего) отца, Зōна-й.
За тремя горами, Зōна-й.
дом (моей) матери, Зōна-й.
Шелковая одежда — мягка, Зōна-й.
ее одевает, Зōна-й.
Простая одежда — груба, Зōна-й.
кто одевает ее, Зōна-й?
Дешевые драгоценности, Зōна-й,
кто носит, Зōна-й?
Красивые кораллы, Зōна-й,
носит Зōна-й.
Отцу (моему) сто восемь, Сōна-й,
писем принесите и вручите, Зōна-й.
Отцу (моему) обо мне, Зōна-й,
скажите, что она в тяготах, Зōна-й.
От синей кожаной плетки, Зōна-й,
на ней следы, скажите, Зōна-й.
От синего хлыста, Зōна-й,
на ней шрамы, Зōна-й.
Для серой суки и бурые помои, Зōна-й,
еда, скажите, Зōна-й.
Матери (моей) обо мне, Зōна-й,
скажите, что она блаженствует, Зōна-й.
Матери (моей) сто восемь, Зōна-й,
кораллов отнесите, Зōна-й!
Плоды «зор» мешками, Зōна-й,
продает, Зōна-й.
Верблюжий аргал мешками, Зōна-й,
кто продает, Зōна-й?
Мягкую лапшу, Зōна-й,
продает, Зōна-й.
Снопы желтого чия, Зōна-й,
кто продает, Зōна-й?

Изюм мешками, Зōна-й,
продает, Зōна-й.
Свежий аргал мешками, Зōна-й,
кто продает, Зōна-й?

СЛОВАРЬ

а

авам 'отец'. Вторичная основа, состоящая из *ава+м*, где-*м* — неупотребительный теперь аффикс принадлежности 1-го лица ед. ч.
анам 'мать' (<*ана+м*).
ā́нысы 'тот, та' (<*а//ол+ы+сы*).
арт 'задняя сторона', 'запад' *в служ. знач.* 'за': *уш'таҕныҥ арты* '(расстояние) за тремя горами'.
астыҕ 'съестное, пища'.

д

ді- см. *ті-*.

е

емсак 'мягкий': *ху тава҆р емсак тійу* 'говоря, что шелковая одежда мягка', ср. *йімса'к*.

҉

҉алых 'кожаная плетка'.
҉ӧ҆р'т 'дом, селение': *анам ҉ӧр'ті* 'дом (моей) матери', ср. *йурт*.

з

Зона имя собственное женское (в песнях).
Зōна см. *Зона*.
зор 'плоды, похожие на джигду'.

і

геш 'сука': *к'ўк ігеш* 'серая (букв. синяя) сука'.

й

йалыҕ 'помои': *кўк йалыҕ* 'мутные букв. синие) помои'.
йаҥ҉і (кит. 樣子 *янцза* 'образ') 'подобный, такой'.
-йа частица для размера в песне.
й із 'простая ткань': *иіз самт҉сы* 'дешевая материя'.
йімса'к 'мягкий': *йімса'к к'ыр* 'мягкая лапша', ср. *емсак*.
йірго 'хороший', 'хорошо': *йірготыр ді* 'скажи, что она живет хорошо' (С. Е. Малов: *йіргау*).
йурт 'дом, селение': *авам йурті* 'дом (моего) отца', ср. *҉ӧр'т*.
йўс 'сто': *йўс сāкыс* 'сто восемь'.

к

кой 'овца'.

к'

к'ак (< араб. حَقّ) 'обработанный драгоценный камень', см. *к'ўк*.
к'ыр (< тиб. '*khur-ba*; центрально-тиб. *к'u-ru*, диалект Лахула *к'ur-ra* 'pastry') 'лапша'.

ҚҚ

кез- 'носить, одевать'.
ҚҚез- см. *кез-*.

ҚҚ'

ҚҚ'ем? 'кто?', ср. *ҚҚ'ім*.
ҚҚ'ім? 'кто?', ср. *ҚҚ'ем*.
ҚҚ'ӧк 'синий', ср. *ҚҚ'ўк*.
ҚҚ'ў'к: *ҚҚ'ў'к ҚҚ'ак* 'драгоценные камни'.

м

ман- 'наряжаться', 'надевать (драгоценности)'.
марц^{ш}ан (<араб. مَرْجَان) 'коралл':
март^{ш}ам ҉ерīн! 'дайте коралл'!
мен 'я': *мені//міне* 'меня'
мірґі: *ҚҚой мірґі* 'овечий аргал'
мырчыҚҚ 'верблюжий аргал'

н

нанныҕ (<кит. 難 *нань*) 'трудный'
-ні частица для размера в песне.
он 'десять'.

п

путо (< кит. *путао* 'виноград') 'изюм'.
пытыҕ (< кит. 筆) 'письмо'.
пер- 'давать'.

с

самтсы (< кит.?) 'простая, дешевая материя' (С. Е. Малов: *самзы*).
сāкыс 'восемь'.
сарыҕ 'желтый'.
сат- 'продавать'.
сен 'ты': *сем міне* 'ты обо мне (скажи)'.
сумал 'мешок', ср. *сымал*.
сымал 'мешок', ср. *сумал*.

т

таваř 'шелк': *ху таваř* 'дорогая шелковая материя'.
таҕ 'гора': *он таҕ* 'десять гор', *уш' таҕ* 'три горы'.
тана 'крупный коралл', см. *ўнчі*.
тейлін- (< кит. 帶來 *дайлай* 'принести с собой сюда') 'приносить'.
ті- 'говорить, сказать'.
тырлыҕ 'шрам, след'.
тырыҕ 'грубый, жесткий (об одежде)'.

т'

т'емдік (< монг. *тэмдэг*) 'след, знак'.

у

уш' 'три'.

ў

ўнчі 'мелкий коралл (< жемчуг)': *ўнчі*.
тана 'кораллы'.

х

хv (< кит. 好 *хао*) 'хороший'.

ш

шvктыҕ 'связка, сноп (травы)'.

$т^{ш}$

*т̣ᵘ*ыҕ 'трава чий'.

$т^{ш'}$

тᵘ'уко 'хлыст, прут': *к'ök тᵘ'уко* 'синий хлыст' (С. Е. Малов: *чуккo*).

ЧАСТЬ II

ЯЗЫК ШИРА ЮГУРОВ

Язык шира югуров еще в прошлом веке привлек внимание известного русского ученого-путешественника Г. Н. Потанина. Он впервые составил список отдельных слов их языка [1]. Несколько меньший список отдельных слов из языка шира югуров приводит и Маннергейм [2].

В 1939 г. вышла работа В. Котвича о языке шира югуров [3]. В основу данной работы легли записи слов, сделанные в 1913 г. С. Е. Маловым. В. Котвич подытожил все то, что было сделано по языку шира югуров: дал список всех слов, записанных как С. Е. Маловым, так и его предшественниками, сделал небольшие замечания по фонетике и морфологии этого языка. Его замечания по морфологии в основном сводились к перечислению суффиксов отдельных падежей (родительного, винительного, дательного), глаголов (настоящего и прошедшего времени), причастий (настоящего и будущего времени) и деепричастий (соединительного и разделительного).

Наиболее ценными представляются нам замечания В. Котвича, касающиеся развития некоторых фонетических явлений — об изменении гармонии гласных, наличии начального *h*, оглушении звонких согласных, месте ударения.

В. Котвич считал, что шира югуры когда-то говорили на тюркском языке, делая ударение на конце слова, а затем постепенно перешли на монгольский язык. О том, что шира югуры по своему происхождению являлись тюрками, было ясно и С. Е. Малову. Он писал: «Есть еще группа уйгуров, живущая на юге и юго-востоке от г. Ганьчжоу, ближе к горам Нань-шань. Здесь уйгуры примыкают к селениям мон-

[1] Г. Н. Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886*, т. I, СПб., 1893, стр. 411—423.

[2] C. G. E. Mannerheim, *A visit to the Sarõ and Shera yögurs*,— «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. XXVII, Helsingfors, 1911.

[3] W. L. Kotwicz, *La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les materiaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs*, Wilno, 1939.

гольских племен, и в силу этого часть из них совсем омонголилась»[4].

В. Котвич был близок к истине, когда писал, что язык шира югуров приближается к языку монголов в Ганьсу и обладает, как и последний, многочисленными архаическими чертами. К сожалению, в то время не было известно, что́ представлял собою язык монголов в Ганьсу.

Экспедиционное изучение всех языков монголов КНР, проведенное в 1955—1956 гг., показало, что язык монголов в Ганьсу распадается на ряд языков и диалектов, что там не было единого языка, объединявшего все группы монгольских народностей. В провинциях Ганьсу и Цинхай КНР проживают сейчас такие монгольские народности, как монголы, баоань, монгоры и дунсяне с их языками — монгольским, баоаньским, монгорским и дунсянским[5].

Язык шира югуров обслуживал и обслуживает лишь часть желтых уйгуров. Любопытно, что представители двух частей народности желтых уйгуров — шира югуры и сарыг югуры (тюркоязычные) — при встрече не могут непосредственно общаться между собой. Языком-посредником для них является китайский язык.

Сведения, изложенные в работе В. Котвича, не дают цельного представления о языке шира югуров. В. Котвич отмечал, что ограниченное количество лингвистического материала, так же как и его относительная достоверность, не позволяет описать структуру языка шира югуров с достаточной точностью. Как бы то ни было, работа В. Котвича явилась первой, знакомящей специалистов с некоторыми предварительными данными по этому языку.

Автору этих строк в экспедиции по изучению монгольских языков КНР в 1956 г. удалось встретиться с представителями шира югуров и записать материалы по их языку. Предварительные сведения о строе языка шира югуров публиковались нами в 1957, 1960 и 1964 гг.[6], а также Чэнгэлтэем в 1957—1958 гг. (на монгольском языке)[7].

Данная работа написана на основе собранных автором материалов с использованием сведений, имеющихся в специальной литературе.

[4] С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров*, Алма-Ата, 1957, стр. 4.
[5] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960.
[6] Б. Х. Тодаева, *Предварительные итоги изучения дагурского, монгорского, дунсянского и баоаньского языков*,—журн. «Чжунго юйвэнь», № 9, 1957; *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960; *Баоаньский язык*, М., 1964.
[7] Чэнгэлтэй, *Языки монгольских народностей Китая и монгольские диалекты*,—журн. «Монгол хэл бичиг», Хухэ-хото, № 11, 12, 1957; № 1—4, 6, 7, 12, 1958 (на монг. яз.).

ФОНЕТИКА

ГЛАСНЫЕ

В языке шира югуров имеется семь гласных: *а*, *о*, *у*, *е*, *і*, *ö*, *ÿ*. Они классифицируются по степени подъема языка, ряду, участию или неучастию в их образовании губ, а также по долготе и краткости.

Система гласных языка шира югуров представлена в табл. 1.

Таблица 1

Гласные

Ряд / Подъем	Передний		Задний	
	огубленные	неогубленные		огубленные
Верхний	*ÿ*	*і*(*ī*)		*у*(*ȳ*)
Средний	*ö*	*е*(*ē*)		*о*(*ō*)
Нижний			*а*(*ā*)	

Не все краткие гласные имеют соответствующие им долгие гласные. Долгие гласные *ā*, *ō*, *ȳ*, *ē*, *ī* в качественном отношении не отличаются от кратких *а*, *о*, *у*, *е*, *і*.

Встречаясь во всех позициях в слове, долгие гласные в языке шира югуров не обладают строго выраженной смыслоразличительной функцией, в результате чего они противополагались бы соответствующим кратким гласным. Можно привести лишь одиночные примеры, записанные нами у шира югуров, показывающих, что долгота и краткость гласных в слове меняет его значение. Примеры эти следующие: *тāвен* 'пять' — *тавен* 'пятьдесят', *дēл* 'шуба' — *дел* 'грива', *темēн* 'верблюд' — *темен* 'десять тысяч'. Следует отметить, что числительное «пять» в дагурском и монгорском языках в первом слоге также имеет долгую гласную *ā*—*тāвāҥ* (даг.), *тāвен* (мгр.), но наименование числительного «пятьдесят» образуется в них по-особому. Однако строго противопоставляемые пары типа *цасāн* 'снег' — *цāсāн* 'бумага', *дерē* 'подушка'— *дēрē* 'наверху', *улā* 'подошва'—*ȳлā* 'гора' и др., имеющиеся в большинстве остальных монгольских языков (современный монгольский, бурятский, калмыцкий, дагурский), в языке шира югуров нам не встретились.

Еще В. Котвич отмечал, что если в монгорском языке долгие гласные встречаются во всех слогах и продержались

до наших дней, то в языке шира югуров можно обнаружить лишь небольшое количество слов с долгими гласными.

Для языка шира югуров характерно отсутствие долгих *ӧ* и *ӱ* — огубленных гласных переднего ряда. В нем отмечен целый ряд примеров, в которых *ӧ* заменено *е* или *о*: *евер* 'рога', *одер* 'день', а *ӱ* — гласными *е*, *ӧ* или *у*: *едже*-'видеть', 'смотреть', *ӧде* 'полдень', *суке* 'топор'.

Мы разделяем мнение В. Котвича о том, что в языке шира югуров гармония гласных изменена и не выдерживается строго. Однако нельзя сказать, что ее основы поколеблены.

Об этом свидетельствуют данные, характеризующие порядок следования гласных в слове. В отличие от некоторых других монгольских языков, в словах языка шира югуров наблюдается некоторое отклонение от соблюдения закона гармонии гласных — если в первом слоге слова имеется один из гласных заднего ряда, то в последующих слогах могут встречаться гласные любого ряда. То же самое происходит с гласными переднего ряда. Наличие суффиксов, имеющих вариантные формы, не меняет картины «нарушения» гармонии гласных. Ср. несколько примеров: *арасен* 'кожа', 'шкура', *джомеш* 'ковш', *куйтен* 'холодный' — соответственно *арасенле* 'со шкурой' (соед. пад), *джомешті* 'с ковшом' (совм. пад.), *куйтенер* 'холодней', 'с холодом' (орудн. пад.), хотя согласно составу гласных основы требовалось бы присоединить суффиксы, содержащие гласные заднего ряда.

Но тем не менее нельзя утверждать, что это носит постоянный и регулярный характер. Скорее всего мы имеем дело со своеобразным проявлением закона гармонии гласных. Если качество гласного первого слога в слове не может определить качество гласных последующих слогов, то в языке шира югуров при присоединении суффикса на вокализм последнего оказывает влияние конечный гласный основы слова.

В языке шира югуров после начальных — аффрикаты *ч* и спиранта *ш* — в нескольких примерах не наблюдается перелома гласного *і* (нет уподобления гласным следующего слога): *шіра* 'желтый' — монг. письм. *sir-a*, совр. монг. *шарă*; *шівар* 'глина' — монг. письм. *sibar*, совр. монг. *шавăр*; *чілу* 'камень', монг. письм. *čilaγun*, совр. монг. *чулӯ*. В этом отношении язык шира югуров сближается с дунсянским, баоаньским и монгорским, а также с монгольским языком памятников XIII—XIV вв.

Заслуживает внимания замена начального гласного *і* гласным *е*. Подобная замена характерна лишь для языка шира югуров. Ср. несколько примеров: *ері*- 'приходить', *ече*-'стесняться', *еде*- 'есть', 'кушать', *шел* 'стекло' и т. д.

Как и в баоаньском, в языке шира югуров некоторые слова

произносятся то с сохранением гласного начального слога, то без него: *мӗл* ~ *емӗл* 'седло', *мγан* ~ *маγан* 'мясо', *мла* ~ *мула* 'дитя', 'ребенок', *мнā* ~ *мінā* 'плеть'. Как видно из примеров, гласный начального слога опускается перед или после сонорного *м*. Он может выпасть и перед спирантом *с*, например: *сгі* 'войлок' (ср. монг. *isgei*, *isegei*).

Из дифтонгов в языке шира югуров встречаются *ай*, *ой*, *уй*, *ей*: *майла*- 'блеять', *моγой* 'змея', *уйла*- 'плакать', *саджеγей* 'сорóка'.

СОГЛАСНЫЕ

В языке шира югуров имеются следующие согласные:

шумные

1) взрывные (*б*, *п*, *д*, *т*, *г*, *γ*, *к*, *k*)

б — губно-губной взрывной согласный; встречается во всех позициях в слове: *баγа* 'маленький', *хабдар* 'опухоль', *аб*-'взять', 'брать';

п — губно-губной взрывной глухой, встречающийся как в начале, так и в конце слова: *пō*- 'завязать', '*пурγан* 'бог', 'будда', *псе* 'пояс', *ап*- (*аб*-) 'взять';

д — переднеязычный взрывной согласный: *дере* 'наверху', *дāра*- 'мерзнуть', *адал*- 'пасти';

т — переднеязычный взрывной глухой согласный, встречающийся в начале и середине слова: *терген* 'телега', *тамаке* 'табак', *ногто* 'недоуздок';

г — переднеязычный взрывной согласный: *гер* 'дом', 'палатка', *бӱргед* 'орел', *печег* 'письмо', 'письменность';

γ — заднеязычный взрывной; встречается во всех позициях в слове: *γаджар* 'земля, поле', *наγше* 'сюда', *будуγ* 'краска'.

к — переднеязычный взрывной глухой: *кӱрген* 'жених', *керек* 'нужда', 'необходимость', *окен* 'дочь';

k — язычковый (увулярный) взрывной глухой. Образуется сближением маленького язычка с задней частью спинки языка. Он встречается во всех позициях в слове: *kавар* 'нос', *kара* 'черный', *kумак* 'песок', *kура* 'дождь', *нak* 'сосна', *окор* 'короткий', *тамake* 'табак'.

Аналогичный согласный встречается в дунсянском языке и в миньхэском диалекте монгорского языка.

2) спиранты (*в*, *з*, *с*, *ш*, *j*, *х*, *h*)

в — губно-зубной звонкий. Он встречается как в начале, так и в середине слова: *ведег* 'колено', *весен* 'трава', 'сено', *давсан* 'соль';

з — переднеязычный спирант: *зӯн* 'иголка', *зандан* 'сандаловое дерево';

с — переднеязычный глухой, встречающийся во всех позициях в слове: *саγал* 'борода', *сара* 'луна', *hусун* 'вода', *терес* 'они', 'те';

ш — переднеязычный глухой: *γашӯн* 'горький', *шіра* 'желтый', *шӣд* 'теленок';

ј — среднеязычный звонкий: *јіма* 'что', *јірен* 'девяносто', *јавуγан* 'пешком', 'пеший';

х — заднеязычный глухой согласный: *ханса* 'трубка', *холо* 'далеко', *лоҥхо* 'бутылка';

h — гортанный спирант; встречается лишь в начале слова: *hодон* 'звезда', *hуру* 'вниз', *hсун*, *hусун* 'вода', *hлāн*, *лhāн* 'красный'.

3) аффрикаты (*дж*, *ч*)

дж — переднеязычная аффриката, встречающаяся в начале и середине слова: *джіл* 'год', *джорō* 'иноходь', *джуджан* 'толстый', *едже-* 'смотреть';

ч — переднеязычная придыхательная аффриката: *чевер* 'чистый', *чусун* 'кровь', *хаїчі* 'ножницы', *тобчі* 'пуговица', *малчі* 'скотовод'.

сонорные

1) носовые (*м*, *н*, *ҥ*)

м — губно-губной носовой; встречается во всех позициях в слове: *манāн* 'туман', *марта-* 'забывать', *німген* 'тонкий', *емчі* 'врач', *сам* 'гребенка';

н — переднеязычный носовой, выступающий во всех позициях в слове: *насен* 'возраст', *нодон* 'глаз', *hенесен* 'зола', *чікен* 'ухо', *дїсен* 'веревка';

ҥ — заднеязычный носовой; встречается только в середине и в конце слова: *моҥγол* 'монгол', *олоҥ* 'много', *пеҥ* 'сарай', *таҥγат* 'тибетец', *туҥγалаҥ* 'чистый', 'прозрачный'.

2) боковой (*л*)

л — переднеязычный боковой согласный: *лабчеγ* 'листва', *ларге-* (*ларла-*) 'говорить', 'разговаривать', *γалур* 'утка', *ӯвел* 'зима'.

3) дрожащий (*р*)

р — переднеязычный дрожащий согласный, встречающийся как в середине, так и в конце слова: *ері-* 'приходить', *дӧрвен* 'четыре', *мӧндер* 'град', *одер* 'день', *hкӯр*, *hӯкӯр* 'корова'.

Язык шира югуров, как и монгорский, баоаньский, дунсянский, дагурский или могольский, сохранил до настоящего времени ряд специфичных черт, свойственных монгольскому языку среднемонгольской эпохи. В частности, в монгольском языке XIII—XIV вв. в начале многих слов употреблялся спирант *h*. И в языке шира югуров некоторое количество слов начинается с гортанного согласного *h*, называемого *h* начальным. Нами зафиксированы следующие слова с начальным *h*: *hалаγан* 'ладонь', *hе-* 'греться (на солнце)', *hелеген* 'печень', *hенесен* 'зола', *hерге* 'четки', *hодон* 'звезда', *hуна-* 'ехать верхом', *hуру* 'вниз', *hурту* 'длинный', *hсун* ~ *hусун* 'вода', *hута* 'дым', *hкӯр* ~ *hӯкӯр* 'корова', *hӯлӯ* 'излишек', *hлāн* ~ *лhāн* 'красный'.

Как уже известно, на месте среднемонгольского начального *h* в настоящее время употребляется не только *h* (дунсянский, баоаньский и язык шира югуров), но также губно-зубной *ф* (дунсянский, монгорский и баоаньский) и заднеязычный *х* (дунсянский, монгорский и дагурский). В остальных

Таблица 2

Согласные

По способу образования \ По месту образования			Губные: губно-губные	Губные: губно-зубные	Язычные: переднеязычные	Язычные: среднеязычные	Язычные: заднеязычные	Язычковые (увулярные)	Гортанные
Шумные	взрывные	звонкие (непридыхательные)	*б*		*д*, *г*		*γ*		
		глухие (придыхательные)	*п*		*т*, *к*			*k*	
	спиранты	звонкие		*в*	*з*	*ј*			
		глухие			*ш*, *с*		*х*		*h*
	аффрикаты	звонкие (непридыхательные)				*дж*			
		глухие (придыхательные)				*ч*			
Сонорные		носовые	*м*		*н*		*ҥ*		
		боковые			*л*				
		дрожащие			*р*				

монгольских языках, таких, как современный монгольский, бурятский и калмыцкий, эти спиранты не встречаются в указанной позиции[8].

В языке шира югуров отсутствует аффриката *ц*. В этом отношении он приближается к языкам монгорскому, дунсянскому, баоаньскому и дагурскому. Ср. несколько примеров, где *ц* соответствует в нем аффрикатам *ч* или *дж*: *чāсе* 'бумага', *черег* 'войско', *чусун* 'кровь', *джасен* 'снег'.

Ему не свойственна и аффриката *дз*. На месте *дз* появляется аффриката *дж*: *γаджар* 'земля', *джӱрген* 'сердце', *кедже* 'когда'.

Нередки случаи замены переднеязычных звонких *д*, *г*, *γ*. Ср. несколько примеров: *нате-*(~*наде-*) 'играть', *чата-* (~*чада-*) 'насытиться', *кēчі* 'гость', *ḳоγаї* 'свинья'. Однако следует заметить, что никакой регулярности в отношении замены звонких согласных глухими обнаружить не удается; мы, наоборот, отметили, что в начале некоторых слов глухие согласные уступают место звонким, например: *дахγа* 'курица', *дасарḳеї* 'часть', 'кусок', *γада-* 'косить', *γадам* 'родня жены', *кшā* ~ *кашā* 'загон', 'сарай', *гӱджӱн* 'шея'.

Как в монгорском, дунсянском и баоаньском языках, в языке шира югуров звонкий взрывной *б* в некоторых словах заменяется глухим *п*, когда он встречается в начальной позиции: *пӯ* 'ружье', *печег* 'письмо', *пос-* 'вставать', *псе* 'пояс'.

УДАРЕНИЕ

Так же как в монгорском и баоаньском языках, в языке шира югуров ударение падает на конечный слог слова. В силу ослабления неударных гласных артикуляция гласных этих слогов производится неполно и эти гласные выпадают. Ср. несколько примеров: *мēл* (~*емēл*) 'седло', *мγан* (~*маγан*) 'мясо', *ḥсун* (~*ḥусун*) 'вода', *псегуї* 'женщина', *кре* 'ворона', *ḥлāн* (~*лḥāн*) 'красный', *шда-* 'мочь', 'быть в состоянии', *сгі* 'войлок' и др.

МОРФОЛОГИЯ

Все слова языка шира югуров распределяются по следующим частям речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, послелоги, частицы и междометия.

[8] См. Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 56, 57, 73, 74, 90, 109.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное имеет категорию числа и падежа. Категория рода в языке шира югуров, как и во всех остальных монгольских языках, отсутствует.

В отличие от монгорского и баоаньского языков в языке шира югуров нет формы единичности. Множественное число имеет специальный суффикс, присоединяемый к основе слова. Единственным суффиксом множественного числа в данном языке является суффикс *-с*, например: *булаγ* 'родник', 'источник'—*булаγс*, *лар* 'слово'—*ларс*, *моγої* 'змея'—*моγоїс*, *тере* 'те', 'они' — *терес*, *чілу* 'камень' — *чілус* и др. В этом отношении он сближается с языком монголов провинций Ганьсу, Цинхая и Синьцзяна, где наряду со многими другими суффиксами множественного числа встречается и суффикс *-с*. Характерно, что *-с* в языке шира югуров присоединяется к основе, оканчивающейся на любой звук, тогда как в монгольском он имеет ограниченное употребление в зависимости от исхода основы.

В языке шира югуров восемь падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный, соединительный и совместный.

Именительный падеж. Морфологически он противопоставлен всем остальным падежам отсутствием показателя, совпадая по форме с основой имени, например: *γалур* 'утка', *кун* 'человек', *мі* 'кот', *ӧр* 'рассвет', *сумун* 'стрела', *чікенек* 'локоть', *шāд* 'теленок'.

Родительный падеж. Язык шира югуров отличается от монгорского, дунсянского и баоаньского языков тем, что в нем родительный падеж образуется присоединением к основе имени нескольких суффиксов: *-ін*, *-е*, *-н*. При этом данные суффиксы наращиваются в зависимости от конечного звука основы слова: 1) *-ін* присоединяется к основе, оканчивающейся на гласные и некоторые согласные, кроме *н*: *баγші* 'учитель'—*баγшін* 'учйтеля', *γаджар* 'земля'—*γаджарін* 'землй'; 2) *-е* ставится после основ, оканчивающихся на некоторые согласные, включая *н*: *шāд* 'теленок' — *шāде* 'теленка', *кун* 'человек'—*куне* 'человека', *дісен* 'веревка' — *дісене* 'веревки'; 3) *-н* ставится после основ, оканчивающихся на гласные или дифтонги: *моγої* 'змея' — *моγоїн* 'змеи', *сгі* 'войлок' — *сгін* 'войлока'. Сохранением различных суффиксов родительного падежа язык шира югуров приближается к языку монголов провинций Ганьсу, Цинхая и Синьцзяна, а также к калмыцкому языку.

Своеобразие форм родительного падежа с внешней стороны в языке шира югуров состоит в том, что они совпадают с фор-

мами винительного падежа. Подобное явление мы наблюдаем также в монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском языках. Для них характерно наличие родительного и винительного падежей, объединяемых единством формальных показателей.

Особого внимания заслуживает склонение местоимений. В языке шира югуров при изменении личных местоимений множественного числа *буда*, *будас* 'мы' и *та* 'вы' образуются одинаково дательно-местный и винительный падежи, тогда как личные местоимения единственного числа *бу* 'я' и *че* 'ты' подобного совпадения падежных форм не обнаруживают.

Дательно-местный падеж образуется при помощи суффиксов *-да*, *-де* и *-та*, *-те*: *мал* 'скот' — *малда* 'скоту', *керем* 'стена' — *керемде* 'стене', *намар* 'осень' — *намарта* 'осени', 'осенью', *гер* 'дом' — *герте* 'дому'.

Винительный падеж по своему образованию сходен с родительным падежом, он оформляется также присоединением к основе имен суффиксов *-ін*, *-е*, *-н*: *месге* 'одежда' — *месгін* 'одежду', *ханджун* 'рукав' — *ханджуне* 'рукава', *арā* 'клык' — *арāн* 'клыка'. Значение совпадающих по форме двух падежей, родительного и винительного, выясняется из контекста. Ср. примеры: *терг сгін доро jіма баїна?* 'что под тем войлоком?', *че сгін γаджарта делгеджі γӯра* 'ты постели войлок на пол', где в первом предложении *сгін* в родительном, а во втором—в винительном падеже.

Исходный падеж образуется при помощи суффикса *-са*, *-се*: *терген* 'телега'—*тергенсе* 'из телеги', *маγан* 'мясо'—*маγанса* 'от мяса', *нохγої* 'собака' — *нохγоїса* 'от собаки'; *тосен* 'масло' — *тосенсе* 'от масла'. Так же как и в монгорском, баоаньском и дунсянском языках, суффикс исходного падежа в языке шира югуров не имеет начального гласного.

Орудный падеж образуется присоединением к основе имени суффикса *-ар*, *-ер* (*-γар*, *-γер*): *γар* 'рука' — *γарар* 'рукой', *мӧр* 'путь', 'дорога' — *мӧрер* 'путем, дорогой', *чілу* 'камень', — *чілуγар* 'камнем', *суке* 'топор' — *сукеγер* 'топором'. Как видно из примеров, при присоединении суффикса к основе с исходом на гласный вставляется соединительный γ.

Соединительный падеж образуется так же, как и в монгорском или дунсянском языках, т. е. при помощи суффикса *-ла*, *-ле*: *мулас* 'дети' — *муласла* 'с детьми', *окес* 'девушки' — *окесле* 'с девушками'.

Совместный падеж имеет суффикс *-ті*, присоединяемый к любой основе: *весен* 'трава' — *весеті* 'травянистый', 'имеющий траву', *море* 'лошадь'—*мореті* 'имеющий лошадь'.

Язык шира югуров приближается к группе тех монгольских языков, в которых распределение существительных по отдельным типам склонения зависит от качества конечного звука основы имени. Однако следует оговорить, что хотя родительный падеж и имеет разные суффиксы, но строго определенного правила применения их в языке шира югуров мы не наблюдаем.

Как и во всех остальных монгольских языках, в нем суффикс множественного числа предшествует суффиксу падежа.

Таблица 3

Образцы склонений имен

Падеж	Суффикс	Склоняемое слово		
		кілек 'рубашка'	*γал* 'огонь'	*шерē* 'стол'
Им.	—	*кілек*	*γал*	*шерē*
Род. Вин.	*-ін*, *-е*, *-н*	*кілекін*	*γале*	*шерēн*
Дат.-местн.	*-да*, *-де*; *-та*, *-те*	*кілекде*	*γалда*	*шерēде*
Исх.	*-са*, *-се*	*кілексе*	*γалса*	*шерēсе*
Орудн.	*-ар*, *-ер*	*кілекер*	*γалар*	*шерēγер*
Соед.	*-ла*, *-ле*	*кілекле*	*γалла*	*шерēле*
Совм.	*-ті*	*кілекті*	*γалті*	*шерēті*

В языке шира югуров в качестве показателя возвратного притяжания выступает *-ан*, *-ен*. Ср. примеры: *аджа* 'отец'—*аджадан* 'своему отцу', *гер* 'дом'— *гертен* 'в своем доме' и др.

Словообразование имен существительных

Производные имена существительные образуются как от имен, так и от глаголов посредством небольшого числа словообразовательных суффиксов.

От основ имен существительных образуются существительные при помощи суффиксов *-чі*, *-бчі*. Существительные с суффиксом *-чі* обозначают названия лиц по роду занятий: *мал* 'скот' — *малчі* 'скотовод', *ем* 'лекарство'—*емчі* 'врач'.

Присоединением суффикса *-бчі* образуются имена, обозначающие предметы, что-нибудь покрывающие, например: *курун* 'палец' — *курубчи* 'наперсток'.

Образование имен существительных от глагольных основ происходит при посредстве суффиксов: *-āн* (*і-ач* 'грузить', 'нагружать', 'вьючить' — *ачāн* 'груз', 'вьюк'); *-γ*, *-г* (*буду-* 'красить' — *будуγ* 'краска', *пече-* 'писать', *печег* 'письмо'); *-ӯр* (*γада-* 'косить' — *γадӯр* 'коса', 'серп'); *-кеї* (*дасара-* 'разорваться' — *дасаркеї* 'кусок', 'часть') и некоторых других.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В языке шира югуров, как и в других языках, выделяются два разряда прилагательных — качественные и относительные.

К числу качественных прилагательных относятся слова, обозначающие цвет, качественную оценку лица или предмета, свойства тех или других вещей, пространственные или временные отношения и т. д., например: *kара* 'черный', *hлāн* 'красный', *боро* 'серый', *шіке* 'большой', *атеї* 'маленький', *халун* 'жаркий', 'горячий', *hурту* 'длинный', *шіне* 'новый', *окор* 'короткий' и др.

Качественные прилагательные могут выражать разную степень проявления качества, устанавливаемую как по сравнению с признаком другого предмета, так и без сопоставления с признаками других предметов.

Что касается сравнительной конструкции и способов выражения степеней качества в языке шира югуров, то они в основном сходны с таковыми в других монгольских языках.

Известная во всех монгольских языках схема сравнительной конструкции типична и для языка шира югуров. В нем данная конструкция употребляется при сопоставлении, сравнении или характеристике равных качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой предмет, ставится в исходном падеже, предшествуя прилагательному, например: *дїсенсе hурту* 'длиннее веревки', *джасенсе чіγан* 'белее снега', *весенсе ноγōн* 'зеленее травы'.

Усиленная степень проявления качества в языке шира югуров передается несколько отличным от других монгольских языков типом редупликации, при котором прилагательному в полной форме предшествуют редуплицируемый слог + то же самое прилагательное в родительном падеже, например: *kара* 'черный' — *kаб kарін kара* 'черный-пречерный', *чіγан* 'белый' — *чіб чіγане чіγан* 'белый-пребелый'. Однако чаще всего встречается тип частичной редупликации прилагательного, т. е. повторение первого слога прилагательного с прибавлением согласного *б* (~*в*): *шів шіра* 'желтый-прежелтый'.

Относительные прилагательные обозначают признаки и свойства предметов, выводимые из отношения определяемого предмета к другим предметам. К ним относятся производные прилагательные, образованные от основ имен существительных. Наиболее типичным суффиксом является *-т*, придающий исходной основе значение «имеющий или содержащий что-либо», например: *тенде чілут γаджар ваїна* 'там есть каменистое место'. Ср. еще: *-ду* (*амін* 'жизнь' — *аміду* 'живой'); *-ң* (*доγло-* 'хромать' — *доγлоң* 'хромой').

МЕСТОИМЕНИЯ

В языке шира югуров к личным местоимениям относятся:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*бу* 'я'	*буда*, *будас* 'мы'
2-е л.	*че* 'ты'	*та* 'вы'

Личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа в языке шира югуров в основном сходны с такими же местоимениями монгорского языка. Отличие заключается в том, что во множественном числе местоимение *буда* 'мы' образуется присоединением разных суффиксов — в монгорском *-сге* и *-нгула*, а в языке шира югуров *-с*.

Склонение личного местоимения 1-го лица ед. числа

Им.	*бу*
Род.	*муне*
Дат.-мест.	*нанда*
Вин.	*намін*
Исх.	*нандаса*
Орудн.	*нандаγар*
Соед.	*нандала*

Основы косвенных падежей — исходного, орудного и соединительного — образованы иначе, чем в остальных монгольских языках, т. е. в виде *нанда*. Остается неясным, что представляет собой *да* в *нанда*. Как известно, основа *нан* характерна для языка монголов Ганьсу, Цинхая и Синьцзяна, а также для калмыцкого языка — *нанас*, *нанар*, *нанла* соответственно 'от меня', 'мною', 'со мною'.

Склонение личного местоимения 1-го лица мн. числа

Им.	*буда*, *будас*
Род. } Вин. }	*будане* (*мане*—род. пад.)
Дат.-местн.	*буданда*
Исх.	*будандаса* (~*будане ендесе*)
Орудн.	*будасар*
Соед.	*буданла*

При склонении местоимения 1-го лица множественного числа смешиваются две основы местоимения «мы», поэтому суффиксы родительного, винительного, дательно-местного и соединительного падежей присоединяются к *будан*, а суффикс орудного падежа к *будас*. Особняком стоит исходный падеж *будандаса* — форма, аналогичная по своему значению сочетанию *будане ендесе*.

Склонение личного местоимения 2-го лица ед. числа

Им.	*че*
Род.	*чене*
Вин.	*чемін*
Дат.-местн.	*чемаде*
Исх.	*чемасе* (~*чене ендесе*).
Орудн.	*чемаγар* (~*чемар*).
Соед.	*чемале*

Характерную особенность личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа *бу* 'я' и *че* 'ты' в языке шира югуров составляет то, что в них не наблюдается совпадения форм родительного и винительного падежей; падежи родительный и винительный имеют соответственно самостоятельные, им присущие формы: *муне* 'мой', *чене* 'твой' (род. пад.), *намін* 'меня', *чемін* 'тебя' (вин. пад.).

Склонение личного местоимения 2-го лица мн. числа

Им.	*та*
Род. } Вин. }	*тане*
Дат.-местн.	*танде*
Исх.	*тансе*
Орудн.	*танар* (~*таγар*)
Соед.	*танла*

Следовательно, в отличие от некоторых других монгольских языков язык шира югуров различает совпадающие формы родительного и винительного падежей личного местоимения лишь для множественного числа.

В языке шира югуров отсутствуют личные местоимения 3-го лица, вместо которых используются указательные местоимения. К указательным местоимениям относятся *ене* 'этот', *тере* 'тот', *енес* 'эти', *терес* 'те'. Как видим, множественное число указательных местоимений в языке шира югуров образуется посредством присоединения к основе единственного числа суффикса множественности *-с*.

Склонение указательных местоимений в ед. числе

Им.	*ене* 'этот'	*тере* 'тот'
Род. } Вин. }	*уне*	*туне*
Дат.-местн.	*унде*	*тунде*
Исх.	*унсе*	*тунсе*
Орудн.	*унер* (~*унеγер*)	*тунер*(~*тунеγер*)
Соед.	*унле*	*тунле*

Склонение указательных местоимений во мн. числе

Им.	*енес* 'эти'	*терес* 'те'
Род. } Вин. }	*енесе*	*тересе*
Дат.-местн.	*енесде*	*тересде*
Исх.	*енесенсе*	*тересенсе*
Орудн.	*енесер*	*тересер*
Соед.	*енесле*	*тересле*

Указательные местоимения *ене* 'этот' и *тере* 'тот' имеют особые, только им свойственные основы косвенных падежей. Для *ене* это будет *ун*, а для *тере* — *тун*. В отличие от ряда монгольских языков (например, современного монгольского, бурятского, калмыцкого) в языке шира югуров указательные местоимения *ене* и *тере* во всех косвенных падежах имеют одну основу (соответственно *ун* или *тун*), но без о бычной, встречаемой в некоторых монгольских языках долгой гласной. В указательных местоимениях множественного числа основа косвенных падежей и форма именительного падежа едины.

Как и в остальных монгольских языках, в языке шира югуров указательные местоимения используются в двух планах — для указания на предмет относительно близкий или на предмет относительно далекий. Для местоимений первого плана типичен начальный *е*, для местоимений второго плана — начальный *т*: *ене* и *тере*.

К вопросительным местоимениям относятся: *кен* 'кто', *jima* 'что', *але* 'который'. Они склоняются так же, как и имена существительные:

Им.	*кен* 'кто'	*jima* 'что'
Род. } Вин. }	*кене*	*jімане*
Дат.-местн.	*кенде*	*jімаде*
Исх.	*кененсе*	*jімансе*
Орудн.	*кенер*	*jіманер*
Соед.	*кенле*	*jіманле*

В качестве определительного местоимения выступает *чоγ* 'все', 'весь', которое изменяется по падежам так же, как и все остальные местоимения: *чоγ* (им. пад.), *чоγне* (род. и вин. пад.), *чоγде* (дат.-местн. пад.), *чоγса* (исх. пад.), *чоγар* (орудн. пад.), *чоγла* (соед. пад.). Его можно сравнить с калм. *цуг*, совр. монг. *бүгд* с тем же значением.

Имена числительные в языке шира югуров делятся на те же разряды, что и в остальных монгольских языках.

Количественные числительные

Наименование единиц		Наименование десятков	
неге	'один'	*харван*	'десять'
γӯр	'два'	*хорен*	'двадцать'
γурван	'три'	*γучен*	'тридцать'
дӧрвен	'четыре'	*дӧчен*	'сорок'
тāвен	'пять'	*тавен*	'пятьдесят'
джурγоӈ	'шесть'	*джіран*	'шестьдесят'
долōн	'семь'	*далан*	'семьдесят'
наӣман	'восемь'	*најан*	'восемьдесят'
ісен	'девять'	*јірен*	'девяносто'

Об особенностях числительных в языке шира югуров мы писали, что в нем числительные «пять» и «пятьдесят» различаются лишь по долготе и краткости гласных первого слога: *тāвен* 'пять' — *тавен* 'пятьдесят'. В обозначении числительного «пять» в дагурском и монгорском языках в первом слоге также имеется долгая гласная *ā* (*тāвāӈ* — даг., *тāвен* — мгр.), однако наименование числительного «пятьдесят» образуется в них по-особому [9].

В языке шира югуров числительное «сто» передается через *джӯн*, «тысяча»—*меӈγан*, *неге меӈγан*, «десять тысяч»—*темен*, *неге темен*, «сто тысяч» — *харван темен*, «миллион» — *джӯн темен*.

В языке шира югуров отсутствует специальный показатель порядковых числительных, известный в большинстве остальных монгольских языков. Правда, Чэнгэлтэй указывает на наличие в нем суффикса *-чāр*, *-чēр*, посредством которого будто бы образуются порядковые числительные. Ср. его примеры: *негечēр* 'первый', *γурбачāр* 'третий' [10]. Информанты, с которыми мы работали, не употребляли с числительными указанного выше суффикса.

Собирательные числительные в языке шира югуров образуются от основ количественных числительных при помощи суффикса *-ла*, *-ле*: *γӯр* 'два' — *γӯрла* 'вдвоем'; *дӧрвен* 'четыре' — *дӧрвеле* 'вчетвером'. Однако следует заметить, что с данным суффиксом употребляются числительные только до четырех включительно, а свыше четырех на месте суффикса *-ла*, *-ле* отдельно за числительным следует слово *хамде* 'вместе': *тāвен* (*кун*) *хамде* 'впятером' ('вместе пять человек'), *долōн* (*кун*) *хамде* 'всемером' ('вместе семь человек').

Разделительные числительные в языке шира югуров образуются двояким образом:

а) путем повторения, удвоения одного и того же количественного числительного: *дӧрвен* 'четыре'—*дӧрвен-дӧрвен* 'по четыре'; *ісен* 'девять' — *ісен-ісен* 'по девяти'. Удвоение количественных числительных имеет распределительное значение;

б) при помощи специального суффикса *-āд*, *-ēд*, присоединяемого к основе количественного числительного: *хорен* 'двадцать' — *хорēд-хорēд* 'по двадцати'; *тавен* 'пятьдесят' — *тавāд-тавāд* 'по пятидесяти'.

Иногда от основы одного и того же числительного образуются обе формы, употребляемые параллельно: *джӯн-джӯн* или *джӯγāд-джӯγāд* 'по сто'.

К основным особенностям, резко отличающим образование разделительного числительного «один» в языке шира югуров по сравнению с таковым в остальных монгольских языках, мы относим наличие в языке шира югуров формы *негеджēд* 'по одному'. В современном монгольском, бурятском, калмыцком языках, а также в монгольских диалектах Китая разделительное числительное «по одному» образуется особо, присоединением к первому слогу основы *не* согласного *дж*+суффикс разделительного числительного, например, совр. монг. *нэгэн* 'один' — *нэджэд* 'по одному'. В языке же шира югуров к полной основе количественного числительного *неге* 'один' присоединяется согласный *дж*+*-ēд*—суффикс разделительного числительного: *неге* — *негеджēд*.

Как известно, в указанных выше языках по типу *нэджēд* 'по одному' образуется и числительное *хоер* 'два' — *хошōд* 'по два' (совр. монг.). Однако в языке шира югуров мы не встречали подобной формы разделительного числительного, вместо нее используется повторение основы числительного *γӯр* 'два'. Следует заметить, что удвоенные числительные по значению соответствуют разделительным числительным: *долōн-долōн* 'по семи', *джіран-джіран* 'по шестидесяти' и т. д.

При обозначении приближенного количества в языке шира югуров, как и в большинстве остальных монгольских языков, употребляется сочетание двух количественных числительных: *дӧрвен* — *тāвен* 'четыре — пять', *хорен* — *γучен* 'двадцать — тридцать'.

[9] См. Б. Х. Тодаева, *Баоаньский язык*, стр. 61.

[10] Чэнгэлтэй, *Языки монгольских народностей Китая и монгольские диалекты*,—журн. «Монгол хэл бичиг», № 12, 1958, стр. 32.

В значении «раз», «-жды» используется слово *дапхер* 'двойной': *γӯр дапхер* 'дважды', *γурван дапхер* 'трижды'. В остальных монгольских языках мы не встречались с подобным употреблением данного слова.

Как мы уже отмечали, в языке шира югуров отсутствует специальный суффикс порядковых числительных. Примечательно то, что в нем при передаче последовательности предметов часто используют то же самое слово *дапхер*: *муне гого γурван дапхер марγа абчі веї* 'мой брат получил третью премию'.

Обозначение дробных чисел осуществляется по схеме: числительное в исходном падеже (знаменатель)+количественное числительное в именительном падеже (числитель), например: *γурванса неге* — $^1/_3$, *дӧрвенсе γурван*—$^3/_4$. Подобное образование имеет место и в дунсянском языке.

ГЛАГОЛ

Общая характеристика

Для глагола в языке шира югуров, как и в других монгольских языках, характерны категории залога, наклонения, времени, лица и числа.

Исходной формой для образования всех глагольных форм является основа. Она может быть либо непроизводной, либо производной; производная может быть образована от основ различных частей речи при посредстве глаголообразующих суффиксов. Непроизводная основа глаголов совпадает с формой 2-го лица единственного и множественного числа, ср.: *со* 'сядь(-те)', *ері* 'приходи(-те)', *орэ* 'входи(-те)' и т. д.

Наклонений в языке шира югуров два: повелительно-желательное и изъявительное. С категорией наклонения тесно связана категория времени, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи (или к какому-нибудь иному времени, принятому за основу временны́х отношений).

В зависимости от отношения к объекту действия в языке шира югуров различаются глаголы переходные и непереходные. Переходные глаголы имеют при себе прямое дополнение, обозначающее предмет, подвергающийся действию (ср. *терес тораγ таріва* 'они сажали деревья'), тогда как непереходные глаголы, обозначая действие или состояние, не переходящее непосредственно на другой предмет, не имеют при себе прямого дополнения (ср. *бу тере кусла хамдг еріве* 'я пришел вместе с теми людьми').

Так же как и во всех остальных монгольских языках, в языке шира югуров переходность и непереходность зависят от лексического значения самого глагола, заложены в лексическом значении глагольной основы. Непереходные глаголы становятся переходными в том случае, когда к их основам присоединяется суффикс побудительного залога (ср. *че ері* 'ты приходи', *туне ерӯлγа* 'заставь его прийти'). Здесь мы встречаемся с образованием новой глагольной основы, а не формы глагола [11].

Наиболее распространенными глаголообразующими суффиксами в языке шира югуров являются *-ла*, *-ле* (*дӯн* 'песня'— *дӯла-* 'петь', *дерг* 'подушка' — *дереле-* 'класть под голову подушку'), *-да*, *-де* (*му* 'плохой' — *муда-* 'ухудшаться'), *-ге* (*лар* 'слово'— *ларге-* 'говорить', 'разговаривать') и др. Глаголы от заимствованных из других языков слов образуются в языке шира югуров присоединением суффиксов *-ла* или *-ге* [ср. *гунзо* 'работа' (кит.) — *гунзола* 'работать']. Глагол в языке шира югуров имеет четыре залога, три лица и два числа.

Залоги. Языку шира югуров свойственны залоги — действительный, побудительный, совместный и взаимный. Страдательный залог в нем отсутствует.

В форме действительного залога употребляются глаголы как переходные, так и непереходные. От этой же формы образуются остальные залоги — побудительный, совместный и взаимный.

Побудительный залог выражает отношение действия к его исполнителям. В этом залоге реальным исполнителем действия, субъектом, становится грамматическое дополнение, выступающее в двух падежах — дательно-местном или орудном. Когда в совершении действия, переданного глаголом в форме этого залога, принимает участие два или более лица, то отношения между участниками действия складываются так, что одно из действующих лиц побуждает к совершению действия или заставляет другое лицо производить действие. Таким образом второе лицо и становится реальным исполнителем действия.

В отличие от дунсянского и баоаньского в языке шира югуров глаголы побудительного залога образуются при помощи двух суффиксов: 1) *-лγа*, *-лге* (например: *нā-* 'лепить', 'приклеить' — *нāлγа-* 'заставить лепить', 'заставить приклеить'; *ке-* 'делать' — *келγе-* 'заставить делать'); 2) *-ул*, *-ӯл* (например: *дӯла-* 'петь'—*дӯлул-* 'заставить петь', *пече-* 'пи-

[11] Подробно о различии между переходными и непереходными глаголами в монгольских языках см. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*, М., 1963, стр. 9.

сать' — *печӱл-* 'заставить писать'). Мы затрудняемся определить, после каких основ глаголов ставится тот или другой суффикс. При сходных образованиях побудительного залога, известных в некоторых современных монгольских языках (калмыцкий, бурятский, современный монгольский), выбор того или другого суффикса зависит от того, на какой звук оканчивается основа соответствующего глагола.

При побудительной конструкции должно быть упомянуто два или более лица. В этом случае название побуждающего или заставляющего лица стоит в именительном падеже, а название реального исполнителя действия или в орудном или в дательно-местном падеже.

Следует отметить, что в языке шира югуров в отличие от остальных монгольских языков реальный исполнитель действия в побудительных конструкциях чаще всего выражается орудным падежом. Приведем несколько примеров: *терес тунеγер дӱ дӱлулва* 'они заставили его спеть песню'; *че егечер месге уγалγул* 'заставь сестру выстирать одежду'; *бу тересер печӱлве* 'я заставил их написать'.

Другую особенность побудительной конструкции, где реальный исполнитель действия передается орудным падежом, составляет то, что возможно частое использование комбинированных залоговых форм, в частности двух форм побудительного залога, например: *та тунеγер ча келγӱл* 'заставь его налить чай'. В этом предложении к глаголу *ке-* 'наливать' последовательно присоединены два суффикса побудительного залога *-лγе* и *-ӱл*. Г. Д. Санжеев считает, что «орудный падеж в качестве реального исполнителя употребляется в основном тогда, когда особо подчеркивается заинтересованность лица-подлежащего в совершении действия побудительного глагола. Таким образом, реальный исполнитель по отношению к лицу-подлежащему является как бы орудием действия...» [12].

О заинтересованности не лица-подлежащего, а реального исполнителя действия свидетельствует употребление в побудительной конструкции дательно-местного падежа. В примере — *тере кунсда ча ӱлγава* 'он заставил людей выпить чай' — действие, передаваемое глаголом в побудительном залоге (*ӱлγава*), совершилось в интересах реального исполнителя.

Когда в центре внимания находится само действие, тогда реальный исполнитель действия может быть и не указан, например: *будас бейшіңне керемде чāсе нāлγаjа* 'мы заставим оклеить стены дома бумагой'.

[12] Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*, стр. 39.

В наших материалах не встретилось ни одного примера, когда реальный исполнитель выражен винительным падежом. Однако мы не склонны считать, что в языке шира югуров отсутствует винительный падеж при побудительном залоге. В необходимых случаях он может быть восстановлен. Об употреблении параллельных форм побудительного залога уже говорилось. В этом отношении язык шира югуров сближается с современным монгольским, калмыцким и бурятским языками.

Примечательно то, что, как уже говорилось, в языке шира югуров (так же как и в монгорском, баоаньском, дунсянском языках) отсутствует страдательный залог. Как известно, в остальных монгольских языках он имеет весьма ограниченную сферу применения в зависимости от лексического значения того или другого глагола. В языке шира югуров функцию страдательного залога выполняют глаголы действительного или побудительного залога.

Совместный залог образуется от основы действительного залога присоединением суффикса *-лча*, *-лче* (ср. *сā-* 'доить' — *сāлча-* 'доить с кем-либо вместе'); *пече-* 'писать' — *печелче-* 'писать с кем-либо вместе', например: *будас неге негенде печелчене* 'мы пишем друг другу (письма)', *терес будане мемеде ханілалдаджі нīн сāлчаджі вайна* 'они помогают нашей матери доить коров'.

Взаимный залог образуется от основ действительного залога присоединением суффикса *-лда*, *-лде*: *ларла-* 'разговаривать' — *ларлалда-* 'разговаривать с кем-либо'; *хокі-* 'бить', 'драться' — *хокілде-* 'бить друг друга', 'драться с кем-либо', например: *терес джогγойджі ларлалдана* 'они стоят и разговаривают'; *кукес натчі натчі хокілдеджі вайна* 'мальчики играли-играли и стали драться'.

Наклонения

I. Повелительно-желательное наклонение в языке шира югуров, как и в остальных монгольских языках, выражает действие, совершение которого должно наступить по воле и инициативе говорящего лица. Под ним подразумевается не только приказание совершить действие, но также желание и просьба.

Повелительно-желательное наклонение, обозначая желание, приказание, побуждение к действию, имеет формы всех лиц.

Обычно форма 2-го лица единственного и множественного числа морфологически не разграничена и равна основе глагола. Ср. несколько примеров: *че малса ерте ері* 'ты пораньше возвращайся с пастбища'; *та конада весен огі* 'дайте ов-

цам сена'; *че ендесе тенде куртала шукур* 'ты побеги отсюда до того места'; *че ханджуне тобчіла* 'ты застегни рукав'.

Из приведенных выше примеров ясно, что все глаголы 2-го лица образуют повелительно-желательное наклонение по общей для всех монгольских языков норме. Лишь в бурятском, калмыцком и дагурском языках эта форма встречается при обращении к одному лицу (ко 2-му л. ед. числа), так как в них существуют показатели лица и числа.

Формой пожелания 1-го лица единственного и множественного числа передается, с одной стороны, желание, намерение говорящего совершить какое-нибудь действие, а с другой — призыв ко 2-му лицу принять участие в этом действии. Данная форма 1-го лица образуется присоединением к основе глагола суффикса *-ja*, например: *че посджі ерітеле бу чемін саγеja* 'пока ты встанешь, я подожду тебя'; *будас герте ороджі соja* 'посидим-ка мы в доме'.

В отличие от всех остальных монгольских языков в языке шира югуров форма пожелания 3-го лица образуется особо, присоединением к основе глагола суффикса *-гене*, *-γане*: *еде-* 'есть', 'кушать' — *едегене* 'пусть ест', 'пусть кушает'; *γара-* 'выходить' — *γараγане* 'пусть выйдет'.

В других монгольских языках форма пожелания 3-го лица отмечена постоянным, известным всем (кроме дагурского) языкам суффиксом *-г* (иногда с кратким гласным). Этот суффикс очень распространен. Относительно суффикса *-гене*, *-γане* в языке шира югуров следует заметить, что его происхождение пока не выяснено.

Как известно, Г. И. Рамстедт[13] и В. Котвич[14] подвергли суффиксы повелительно-желательного наклонения глаголов в монгольских языках подробному анализу. Однако в их обзорах не встречается суффикса, идентичного по образованию суффиксу языка шира югуров. Если первый компонент (*-ге*, *-γа*) аналогичен тому, что существует в других монгольских языках, то второй компонент не требует дальнейшего уточнения. Возможно, что мы здесь имеем сращение двух форм, но не исключена возможность, что он восходит к монгольским *-кі* и *-кіні*, «которые выступают... также в 1-м и 3-м лицах оптативно-повелительных форм»[15]. К сожалению, В. Котвич не приводит ни одного примера с этим суффиксом и не указывает, в каких монгольских языках они встречаются.

[13] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 81—90.

[14] В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 250—270.

[15] В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, стр. 265—266.

Форма 3-го лица на *-гене*, *-γане* относится как к единственному, так и ко множественному числу, например: *Джолма мласла натегене* 'пусть Джолма играет с детьми'; *терес ерісе ерігене*, *ле ерісе болγане* 'если они придут — пусть придут; если не придут, пусть будет так'.

Материалы языка шира югуров показывают, насколько упрощена система форм повелительно-желательного наклонения в этом языке по сравнению со многими другими монгольскими языками (современный монгольский, бурятский, калмыцкий, монгольские диалекты КНР). Язык шира югуров приближается к языкам монгорскому, дунсянскому и баоаньскому, в которых сильно заметна тенденция к упрощению системы форм данного наклонения. В них суффиксальное образование имеют лишь формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, но без богато представленных форм и вариантов, имеющихся в остальных монгольских языках.

II. В системе изъявительного наклонения глаголов имеется две формы времени: настояще-будущего и прошедшего.

Как в современном монгольском и калмыцком языках, в языке шира югуров существует общий морфологический показатель настояще-будущего времени на *-на*, *-не*: *тӯ-* 'гнать', 'пригнать' — *тӯна* 'гонит', 'пригонит', *месе-* 'носить', 'надевать' — *месене* 'носит', 'наденет', *со-* 'сидеть' — *сона* 'сидит', 'сядет'. Однако точное время действия можно установить лишь из соответствующего контекста. Здесь немалую роль играют и употребляемые во фразе разного рода обстоятельства времени. Ср. несколько примеров: *бу тере γаджар малтана* 'я копаю ту землю'; *будас тане тенде еріне* 'мы приедем к вам'; *будас марγашда весен γадана* 'мы завтра скосим сено'.

В языке шира югуров, когда требуется подчеркнуть, что то или другое действие происходит в данный момент, используется сложный глагол: основной глагол стоит в форме соединительного деепричастия, а вспомогательный — в настояще-будущем времени, например: *γале hута hутаджі ваїна* 'дымит' (букв. 'огня дым дымит'); *мане егечі тенде соджі ваїна* 'наша сестра живет там'.

Когда же требуется уточнить, что то или иное действие произойдет не сейчас, а последует к моменту речи, то также используют сложные формы: основной глагол ставится в форме причастия будущего времени, а вспомогательный — в настояще-будущем времени: *ӧр чеїтеле буда ондаγу ваїна* 'мы поспим до рассвета'; *ене герте дӧченсе hӯлӯшег кун багтаγу ваїна* 'в этом доме разместится более сорока человек'.

Помимо суффикса *-на*, *-не* значение действия, происходящего в момент речи, может передаваться и формой, состоящей из соединительного или разделительного деепричастия, частицы *ла*, помещаемой за деепричастием, и вспомогательного глагола в настояще-будущем времени. Такая форма выражает длительность действия в момент речи. Приведем несколько примеров: *тере шāдта hусун ӯлγаджі ла ваїна* 'они продолжают поить телят'; *будас веген γададжі ла ваїна* 'мы продолжаем косить сено'; *млас оӈшāд ла баїна* 'дети продолжают читать'; *мане егегі месге халāд ла ваїна* 'наша сестра продолжает шить одежду'; *тере печēд ла сона* 'он продолжает писать'. Возможно употребление *оӈшāд ла ваїна*, *оӈшджі ла ваїна*, *оӈшā ваїна*; *оӈшāд ла сона*, *оӈшджі ла сона*, *оӈшā сона*, но значение сохраняется то же — продолжающееся действие.

Аналогичное образование глаголов настояще-будущего времени наблюдается в калмыцком языке.

В языке шира югуров мы различаем две формы прошедшего времени, условно называемые нами прошедшим I и прошедшим II.

1. Прошедшее I образуется посредством суффикса *-ва*, *-ве*, например: *бу аджадан ларгеве* 'я говорил своему отцу'; *тере тамаке сорова* 'он курил табак'; *Джолмарджаб будасла хамде амурава* 'Джолмарджаб отдыхал вместе с нами'. Прошедшее I обозначает действие, которое представляется незавершенным в момент, о котором говорится.

2. Прошедшее II образуется путем сочетания соединительного деепричастия на *-джі* (~*чі*) со вспомогательным глаголом *ваї-* (~*баї-*) в форме основы. Ср. несколько примеров: *тораγе лабчеγе шіраладжі ваї* 'листья деревьев пожелтели'; *егечі герте ороджі ерджі джогγоїджі ваї* 'сестра вошла в дом и села'; *та чоγ ондаджі ваї* 'вы все спали'.

Однако следует заметить, что нет резкого разграничения в значениях этих форм прошедшего времени, они могут совершенно свободно заменять друг друга. Употребление прошедшего I и прошедшего II одинаково правильно, но прошедшее I чаще всего встречается с 1-м лицом как единственного, так и множественного числа, тогда как прошедшее II — со 2-м и 3-м лицом.

В этой связи следует обратить внимание на то, что форма прошедшего II (соединительное деепричастие и следующий за ним глагол *ваї*~*баї*) в остальных монгольских языках не зафиксирована и имеет место лишь в языке шира югуров.

Хотя В. Котвич и упоминает о существовании в языке шира югуров суффиксов перфекта в виде *-ѡа*~*-ѡе*~*-е*, *-ѡаі*~*-ѡе*, *-ba*~*-baї* (как вариант литературного *ba*~*-baі*)[16], мы не склонны относить *-ваї* (~*-баї*), встречающееся после деепричастной формы, к разряду суффиксов прошедшего времени; *ваї* (~*-баї*) сохранил в большей степени свою глагольную природу, не превратился в суффикс прошедшего времени глагола и ставится отдельно от предшествующей деепричастной формы.

В дунсянском языке глагол настоящего времени передается формой на *-джывэ*, состоящей из суффикса соединительного деепричастия *-джы* и связки *вэ* (>*вэі-*)[17]. Здесь употребление данной формы ограничено настоящим временем, при этом связка *вэ*, слившись с *-джы*, входит в состав суффикса.

Вопрос об особенностях употребления и образования глаголов прошедшего времени в языке шира югуров требует анализа дополнительного фактического материала.

Причастия

В языке шира югуров имеются следующие формы причастия: настоящего, будущего и прошедшего времени.

В отличие от остальных монгольских языков в нем причастие настоящего времени образуется от основы глагола при посредстве суффикса *-ма*, *-ме*, например: *hусуне тере бежеде сома кен ваїна?* 'кто тот, который живет (=живущий) на той стороне реки?', *будас γаджар таріма кун еджеве* 'мы видели пашущего [землю] человека'. По своему грамматическому значению суффикс *-ма*, *-ме* близок к суффиксу однократного причастия *-гчї*, известному некоторым монгольским языкам. Причастие на *-ма*, *-ме* не следует смешивать с причастием возможности (ср. бурят. и монг. *-мар*)[18], представляющим собой генетически отглагольное имя в орудном падеже[19].

Причастие будущего времени обозначает действие, которое должно совершиться в будущем. Оно образуется при помощи суффикса *-γу*, *-γе*, например: *едже-* 'видеть', 'смотреть' — *еджеγе* 'собирающийся видеть', 'собирающийся смотреть'; *тані-* 'знать', 'узнавать' — *таніγу* 'собирающийся знать, узнавать'.

---

[16] W. L. Kotwicz, *La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les materiaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs*, p. 463.

[17] Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*, М., 1961, стр. 44, 45.

[18] Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*, стр. 132.

[19] Там же.

В зависимости от сферы его использования причастие будущего времени изменяется по падежам и выполняет различные синтаксические функции в предложении. Ср. несколько примеров: *бу ондаγуда че ерджі ваї* 'ты приходил тогда, когда я спал'; *тере таніγу куне еджеджі ваї* 'он встретил знакомого человека'; *бу ондер маγан едеγеше ві* 'сегодня я не буду есть мясо'; *та намарта гöресен харбіγу?* 'охотитесь ли вы осенью на зверей?'.

Сходное использование отрицания *ше* при причастии будущего времени наблюдается в калмыцком и баоаньском языках, например: *тер таньхш* 'он не узнает' (калм.); *бэ нāтэгэ ші* 'я не буду играть' (бн.). В языке шира югуров отрицательная частица *ше* присоединяется к причастию будущего времени, а за ним следует глагол-связка *ві* (~*бі*).

Причастие прошедшего времени выражает прошедшее действие, а также качество и состояние субъекта, сложившиеся в результате этого прошедшего действия. Оно образуется от основы глагола при посредстве суффикса *-сан*, *-сен*, например: *барі-* 'строить' — *барісан*, *со-* 'жить' — *сосан*, *ері-* 'прийти'—*ерісен* и др. Ср. несколько примеров: *терес весен γадасен γаджарса еріве* 'они вернулись с сенокоса (букв. из сено косивший места)'; *бу гогон тендесе ерісен* 'я пришел (букв. пришедший) от брата'. Образование и значение данного причастия во всех монгольских языках одинаково и встречается повсеместно.

Деепричастия

Так же как и в остальных монгольских языках, деепричастия в языке шира югуров выражают дополнительное действие, сопровождающее, уточняющее главное действие, передаваемое одной из форм управляющих глаголов.

Деепричастия обозначают второстепенные действия, либо как одновременные, либо как предшествующие, либо как следующие за основным действием.

В языке шира югуров имеются следующие деепричастия: соединительное, слитное, разделительное, цели, условное, предела. Все значения и функции деепричастий совпадают со значениями и функциями соответствующих деепричастий во всех остальных монгольских языках.

Соединительное деепричастие образуется от основы глагола при посредстве суффикса *-джі*, *-чі*. Примеры: *тере ўласа ḥуру ороджі еріве* 'он спустился с горы'; *окес чогдер медоγ абчі еріве* 'вчера девочки принесли цветы'.

Суффиксом слитного деепричастия является *-н*. Примеры: *тере нхен-нхен ларгене* 'он смеется и говорит'; *окен ларген-ларген уїладжі ваїна* 'девочка говорит и плачет'. Как видно из примеров, деепричастие слитное на *-н* в языке шира югуров используется повторно.

По своему образованию разделительное деепричастие в языке шира югуров приближается к такому же деепричастию в дагурском и монгорском языках. Оно образуется от основы глагола присоединением суффиксов *-ā*, *-ē* и *-āд*, *-ēд*, примеры: *тере ча ўджі абā γарава* 'он ушел, выпив чай'; *атеї мла серē орγолоджі ваї* 'ребенок, проснувшись, заплакал'; *че печēд ла ваїна*, *тере оҥшāд ла ваї* 'ты продолжаешь писать, а он продолжает читать'.

Деепричастие цели образуется от основы глагола посредством суффикса *-ла*, *-ле*: *млас нателе ханеджі ваї* 'дети пошли, чтобы поиграть'; *егечі нін сāла ерджі ваї* 'сестра пришла, чтобы подоить корову'. Аналогичный суффикс деепричастия цели встречается лишь в монгорском, дунсянском и баоаньском языках.

Условное деепричастие образуется от основы глагола при помощи суффикса *-са*, *-се*: *тере лар ларгесе че чаҥнаджі ері* 'если он что скажет, ты выслушай'; *одō наран γараса будас гертен ḳаріја* 'если сейчас взойдет солнце, мы вернемся к себе домой'. Подобные формы образуют и глаголы в монгорском, дунсянском и баоаньском языках.

Деепричастие предела образуется от основы глагола присоединением суффикса *-тала*, *-теле*, например: *та ларлалдатала бу енде соја* 'пока вы говорите, я посижу здесь'; *Ренченмедоγ ерітеле бу саγеја* 'пока вернется Ренченмедог, я [ее] подожду'.

Сопоставление деепричастных форм в языке шира югуров с деепричастными формами в других монгольских языках показывает, что не все формы одинаково представлены в каждом из монгольских языков. Так, в языке шира югуров не зафиксированы предварительное, последовательное, продолжительное, попутное, уступительное деепричастия.

Несколько замечаний о глаголах *ві* (~*бі*), *шда-*, *сура-*, *білē* и некоторых других.

1. Так же как и в баоаньском языке, глагол *ві* (~*бі*) по своему значению и употреблению близок к монгольской письменной форме причастия *виі* 'сущий'. Глагол *ві* (~*бі*), следуя за именной частью сказуемого, показывает, что передаваемое составным сказуемым действие локализуется в настоящем времени, следовательно не подвергается дальнейшему изменению по временам. Для баоаньского глагола *ві* характерна его разновариантность, объясняемая использованием данного глагола в составе именного и причастного сказуемого с уче-

том действующего лица[20]. Подобного разграничения по лицам в языке шира югуров не наблюдается. Ср.: *нанда γӯр егечі бі* 'у меня есть две сестры'; *одō лар ларгеме кун бу танідаγ ві* 'я знаю человека, который сейчас говорит'; *еріме кун хана біја?* 'где тот [человек], который приехал?'.

2. Глагол *шда-*, придавая значение возможности совершения действия, часто следует за формой соединительного деепричастия основного глагола, например: *тере мла алкаджі шдаджі ваї* 'тот ребенок умел ходить (шагать)'. В языке шира югуров в отличие от баоаньского языка имеется отдельно существующая форма глагола *шда-*. В баоаньском языке глагол *дā* 'мочь' не имеет самостоятельного употребления; при образовании формы возможности он присоединяется к основе глагола, например: *пэджэ-* 'писать' — *пэджэдā-* 'может писать'.

3. Глагол *сура-* в монгорском, дунсянском и баоаньском языках требует постановки объекта в дательно-местном падеже, тогда как в остальных языках — исходного. Эта особенность глагола *сура-* присуща и языку шира югуров, например: *бу чемаде лар сурана* 'я спрашиваю у тебя слово'; *тере медеја гегēд чемаде сураджі баїна* 'он спросил у тебя, чтобы узнать'.

4. В языке шира югуров существует ряд вспомогательных глаголов, из числа которых лишь глагол *білē* остается в данной форме: *тере ḳона адалсан білē* 'он пас овец'. Глагол *білē* сочетается с причастными и именными формами, образуя с ними различные описательные формы.

В качестве наиболее употребительных вспомогательных глаголов выступают: *јаві-* 'идти', *ері-* 'приходить', *аб-* (~*ап-*) 'брать', *со-* 'сидеть', *огі-* 'давать', *бол-* 'быть' и др. Вспомогательные глаголы придают значению основного глагола некоторые оттенки завершенности, продолжительности, целенаправленности, результата действия, иначе говоря, при помощи этих глаголов передаются видовые значения.

НАРЕЧИЯ

Наречия в языке шира югуров обладают теми же основными свойствами, что и наречия в остальных монгольских языках, — они неизменяемы по форме и соотносительны со многими именными частями речи.

По своему значению наречия делятся на качественные и обстоятельственные (указывающие на временные и пространственные отношения).

[20] Б. Х. Тодаева, *Баоаньский язык*, стр. 86—88.

Однако следует оговорить, что количество наречий в языке шира югуров невелико, в частности наречий, определяющих качество действия. Примеры: *че тӯрген тоγонса маγан γараγа* 'быстрее вынимай мясо из котла'; *терес јавуγар еріве* 'они пришли пешком'; *Джолмансо удāн оҥшіна* 'Джолмансо читает медленно'. Подобного типа наречия в языке шира югуров, по-видимому, широко не представлены. Возможно, что недостаточно полно они зафиксированы в собранных нами материалах.

Обстоятельственные наречия делятся на наречия времени и места:

а) наречия времени: *одō* 'сейчас', 'теперь', *ондер* 'сегодня', *ӧдеше* 'вечером', *чогдер* 'вчера', *марγашда* 'завтра', *ерте* 'рано', 'раньше' и др.;

б) наречия места: *енде* 'здесь', *тенде* 'там', *āр* 'позади', *хана* 'где', *γадане* 'вне', *холо* 'далеко', 'вдали' и др.

По своему происхождению наречия делятся на непроизводные и производные, соотносительные с некоторыми знаменательными частями речи, в частности с именами прилагательными и существительными. Наречия употребляются в предложении в функции разного рода обстоятельств и определений.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги как служебные слова употребляются с именами существительными или с другими субстантивированными частями речи. Послелоги ставятся после тех слов, синтаксическую связь которых с другими словами в предложении они выражают; зачастую послелоги конкретизируют то, что может быть передано падежной формой.

Способ сочетания послелогов с именами, которыми они управляют, в языке шира югуров сходен с таковым в остальных монгольских языках. Ср. несколько примеров: *чене шерēн доро јіма талā баїна?* 'Что лежит под твоим столом?' (здесь послелог *доро* 'под' указывает на место под чем-либо и сочетается с основой имени); *бу мемеле хамде сосан білē* 'я [тогда] жил вместе с матерью' (в этом предложении послелог *хамде* употреблен со значением совместности, соучастия в действии и управляет соединительным падежом); *че ӧдеше куртала јіма баріна?* 'что ты делаешь до вечера?' (послелог *куртала* глагольного происхождения. Он обозначает предел распространения действия во времени или пространстве и требует постановки имени в своей основе); *та уне гер дере тавджі γӯр* 'вы это бросьте (положите) на юрту' (послелог *дере* указывает на местонахождение предмета на чем-либо — на поверхности — и управляет основой имени).

По своему происхождению послелоги восходят к знаменательным словам. Часть их, выполняя функцию послелога, сохраняет значение имен, деепричастий, наречий.

ЧАСТИЦЫ

Частицы как служебные слова сообщают знаменательным словам или целым предложениям самые разнообразные оттенки значений, логически выделяют или конкретизируют их значение.

К группе частиц языка шира югуров следует отнести наиболее часто употребляемые вопросительные частицы—*у* (например: *ваїну?* 'есть ли?', *еріву?* 'пришел ли?' *тўву?* 'пригнал ли?') и *ба* (ср. *ларгеве ба?* 'сказали ли?', *абва ба?* 'купили ли?').

Вопросительная частица *у* сливается со сказуемым, заключающим вопрос, тогда как частица *ба* ставится в конце предложения, отдельно от слова.

Утвердительные — *ја* (ср. *та хансан нанда огіну? — ја, бу огіја* 'вы [ведь] свою трубку мне отдадите? — да, я отдам') и *шу* (ср. *че нандаса ерте курчі еріве шу* 'ты вернулась раньше меня').

В приведенных примерах утвердительная частица *ја* встретилась при ответе на вопрос, который предполагал подтверждения, тогда как частица *шу* во втором предложении подтверждает непреложность высказанного.

Отрицательные — *ле* (ср. *ḳура ороджі тере ле гертен ḳаріва* 'из-за дождя он не вернулся к себе домой'), *пше* (*ене лhāн медоγ пше, шіра медоγ ваїна* 'это не красный, а желтый цветок').

Частица *ле* в отрицательном предложении предшествует формам глаголов изъявительного наклонения, а частица *пше* ставится при противопоставлении.

Об отрицательной частице *ше* мы уже говорили. Она сливается со сказуемым, выраженным причастием будущего времени (ср. *еджеγеше ві* 'не увидим').

МЕЖДОМЕТИЯ

Нами зафиксировано несколько междометий, выражающих чувства и эмоциональную оценку. К ним относятся:

а) междометия, выражающие чувство радости, восхищения (например, *аї, тере кун саїн кун білē* 'ой, хороший же был тот человек');

б) междометия, выражающие чувство досады, боли, горестные переживания (например, *ају, халун ваїна!* 'ой, жарко!' *ад-да, муне толоγої ебедене!* 'ой, болит моя голова!').

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СИНТАКСИСЕ

Способы сочетания слов, типы и структура предложений в языке шира югуров в основном такие же, как и в остальных монгольских языках.

Твердый порядок слов, типичный для всех монгольских языков, сохраняется и в языке шира югуров. Все зависимые слова ставятся в нем перед словами, к которым они относятся. Следовательно, здесь мы наблюдаем препозицию зависимых слов. Ср. несколько примеров:

че ечегін месгін абджі ері 'принеси одежду отца' (определение перед определяемым);

будас ларгеве 'мы разговаривали' (подлежащее перед сказуемым);

мī хунаγлаγ барджі ваї 'кошка поймала мышку' (прямое дополнение перед сказуемым);

бу окенде печег абчі огіве 'я купил дочери книгу' (косвенное дополнение в дательно-местном падеже стоит перед прямым, но зависит от сказуемого);

терес чогдер ле ерджі ваї 'вчера они не пришли' (обстоятельство времени перед сказуемым);

γадане герсе дулāн баїна 'на улице теплее, чем в юрте' (обстоятельство места вынесено в начало предложения).

Способы выражения членов предложения в языке шира югуров в основном идентичны таковым в других монгольских языках[21].

Наиболее характерными особенностями синтаксиса языка шира югуров, отличающими его от некоторых других монгольских языков, являются:

1. Передача определения в форме основы на месте формы родительного падежа в других монгольских языках, например: *ўвел одер оḳор, хавар одер hурту ваїна* 'зимний день короток, весенний — длинен' (букв. 'зима день..., весна день...').

2. Существование сказуемого, образованного из сочетания соединительного деепричастия на *-джі* и глагола-связки *ваї* (~*баї*), выражающего действие, совершенное в прошлом. При этом глагол *ваї* (~*баї*) закрепляет за собою значение прошедшего времени. Ср. несколько примеров: *джарем неге ерджі ваї, джарем ле ерджі ваї* 'некоторые пришли, [а] некоторые не пришли'; *неге кун ерджі ваї, jіма кумбе—ле медене* 'пришел какой-то человек, но кто он— не знаю'.

---

[21] Подробно см.: Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*, стр. 59—70; *Баоаньский язык*, стр. 110—119.

3. Отсутствие союзов. Записанные нами материалы не зафиксировали ни одного союза, известного в остальных монгольских языках или типичного только для языка шира югуров. Соединение частей сложного предложения происходит без союзов; зачастую такое сложное предложение делится на отдельные простые предложения, объединенные интонационно.

О ЛЕКСИКЕ

Еще В. Котвич отмечал, что язык шира югуров относительно мало подвергся влиянию китайского языка и что шира югуры сохранили ряд тюркских слов. В качестве примера им приводились следующие слова: *xanat* 'крыло', *pulut* 'облако', *kilït* 'замо́к', *kayak* 'крем', *qumak* 'песок', *kün* 'лето', *apa* 'мать' и *ildïc* 'корень'[22].

Несомненно, словарь шира югуров в настоящее время состоит в основном из слов монгольского происхождения, затем идут слова тюркские. Но в нем имеется также некоторое количество заимствований из китайского и тибетского языков.

К словам монгольским по происхождению относятся все местоимения и числительные, большинство существительных (ср., например: *алтан* 'золото', *бері* 'невестка', *гер* 'юрта', *γаджар* 'земля', *дел* 'грива', *егечі* 'сестра', *джіл* 'год', *кол* 'нога', *мал* 'скот', *нере* 'имя', *öде* 'полдень', *сара* 'луна', *терген* 'телега', *ўла* 'гора', *хавар* 'весна', *hусун* 'вода', *чілу* 'камень', *шівар* 'глина' и др.), прилагательных (ср., например: *баγа* 'маленький', *боро* 'серый', *бўрал* 'седой', *γашун* 'горький', *кашаҥ* 'ленивый', *му* 'плохой', *саїн* 'хороший', *німген* 'тонкий' и др.), глаголов (ср., например: *ачі-* 'грузить', 'нагружать', *бајарла-* 'радоваться', *ге-* 'сказать', 'говорить', *γада-* 'косить', 'жать', *дāра-* 'мерзнуть', *ері-* 'прийти', *курі-* 'достичь', *карі-* 'возвращаться', *марта-* 'забыть', *нате-* 'играть', *огі-* 'дать', *пос-* 'вставать', *сā-* 'доить', *тў-* 'гнать', 'перегнать', *уїла-* 'плакать', *хона-* 'ночевать', *чіна-* 'варить', *шірала-* 'желтеть' и т. д.), наречий (ср., например: *āрте* 'сзади', 'позади', *γадане* 'вне', 'снаружи', *доро* 'внизу', 'под', *кедже* 'когда', *марγашда* 'завтра', *одō* 'сейчас', *тенде* 'там' и др.) и т. д.

Из слов тюркских по происхождению можно назвать, например, такие, как: *ана* 'мать', *атеї* 'маленький', *гејре* 'чашка', *кумак* 'песок', *чікенек* 'локоть', *мла*, *мула* 'ребенок', *кевеш* 'вата', *котер* 'рябой', *сумал* 'мешок', *кервек* 'ресницы', *тораγ* 'дерево' и др.

Все эти слова имеются и в словаре сарыг югуров[23]. Но следует заметить, что шира югуры параллельно им в том же значении употребляют и слова монгольского происхождения, например: *еке* 'мать'- *баγа* 'маленький', *аїγа* 'чашка', *ўта* 'мешок' и т. д.

Из китайского языка вошли слова — названия некоторых предметов домашнего обихода, отдельные термины родства и некоторые другие обозначения, например: *пеҥ* 'сарай' (кит. *пэн*), *дінзе* 'гвоздь' (кит. *динцзы*), *чембі* 'карандаш' (кит. *цяньби*), *дēзе* 'тарелка' (ср. кит. *децзы* 'блюдце'), *вāзе* 'чулок' (кит. *вацзы*), *сунзе* 'внук' (кит. *суньцзы*), *гого* 'старший брат' (кит. *гэгэ*), *тунджі* 'товарищ' (кит. *тунчжи*), *гунзола-* 'работать' (кит. *гунцзо* 'работа'+глагольный суффикс *-ла*), *мōгу* 'гриб' (кит. *могу*), *вензе* 'комар' (кит. *вэньцзы*) и некоторые другие.

Для передачи нового, вошедшего в жизнь шира югуров в последние годы, они вводят в свой словарь значительное количество новых обозначений, заимствованных из китайского, например: *дан* 'партия' (кит. *дан*), *хезоше* 'кооператив' (кит. *хэцзошэ*), *ганбу* 'кадры' (кит. *ганьбу*), *шен* 'провинция' и др.

К словам тибетского происхождения относятся прежде всего собственные имена шира югуров: *Джолма*, *Ренченмедоγ*, *Джолмансо* (женские имена); *Норвуренчен*, *Джолмарджаб*, *Ренчен* (мужские имена). Тибетскими по происхождению являются и такие слова, как *ларге-*, *ларла-* 'говорить', 'разговаривать' (ср. Мал. I, 452 *largo*, Ман. II, 68 *largevé*); *лар* 'слово' (ср. Пот. II, 419 *лар*); *медоγ* 'цветы'; *нак* 'сосна' (ср. Мал. I, 454 *пак*, *паq* 'ель', 'пихта'; Пот. II, 402 *нагь*); *чурме* 'сыр' (ср. Ман., 62 *tšormi*; Пот. II, 420 *чурме*); *улу* 'дракон' (ср. Пот. II, 412 *улў*; Мал. I, 447 *ulu*) и некоторые другие.

О словарных тибетизмах в языке шира югуров говорится в статье венгерского ученого A. Róna-Tas, «Tibetan Loan-Words in the Shera Yögur Language»[24]. Он справедливо устанавливает, что тибетская лексика в язык шира югуров проникла из ближайших к ним северо-восточных тибетских диалектов.

---

[22] W. L. Kotwicz, *La langue mongole, parlee par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'aprés les materiaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs*, p. 464.

[23] См. С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров*, стр. 15, 19, 23, 61, 142, 147, 77, 65, 59, 106, 67, 118.

[24] «Acta Orientalia Hungarica», t. XV, fasc. 1—3, 1962.

МЕСТО ЯЗЫКА ШИРА ЮГУРОВ В СИСТЕМЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

По своему фонетическому составу и грамматическому строю язык шира югуров несомненно относится к системе монгольских языков. Территория распространения языка шира югуров и выработанные им нормы, общие с другими монгольскими языками, определяют его место в системе монгольских языков.

Язык шира югуров — это смешанный язык, в фонетике и грамматике которого нетрудно выделить, с одной стороны, черты, специфичные для языка монголов Ганьсу, Цинхая и Синьцзяна, длительное время соседящих с шира югурами, а с другой — особенности, типичные для группы таких языков, как монгорский, дунсянский и баоаньский.

На первоначально тюркскую языковую основу у шира югуров когда-то постепенно наслаивались элементы двух различных групп монгольских языков, составивших в конечном итоге новую фонетическую и грамматическую систему языка монгольской группы, сменившую ранее присущие ему особенности тюркской речи.

Конечно, это был длительный исторический процесс. Новая структура языка, органически объединившая в себе отдельные особенности языка монголов Ганьсу и Цинхая и таких языков, как монгорский, дунсянский и баоаньский, сложилась, по-видимому, уже столетия назад и сохраняется в наше время, свидетельствуя о наличии в группе монгольских языков прошедшего большую историческую жизнь единственного в этой группе языка смешанного типа.

О смешанном характере языка шира югуров свидетельствуют следующие особенности.

1. В области фонетики:

а) наличие огубленных гласных переднего ряда *ö*, *ÿ* (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна);

б) сохранение начального *h* (язык монгольских памятников XIII—XIV вв., монгорский, дунсянский, баоаньский);

в) существование язычкового *k* (дунсянский и диалект минхэ монгорского языка);

г) выпадение начального звука или слога в слове (монгорский, баоаньский);

д) отсутствие аффрикат *ц*, *дз* и сохранение соответственно *ч*, *дж* (монгорский, дунсянский, баоаньский);

е) замена глухих звонкими согласными (монгорский, дунсянский, баоаньский);

ж) постановка ударения на последнем слоге слова (монгорский, баоаньский).

2. В области морфологии:

а) наличие суффикса множественного числа *-с* (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна);

б) совпадение (в именах существительных) форм родительного и винительного падежей (монгорский, дунсянский, баоаньский);

в) совпадение (в личных местоимениях) форм винительного и дательно-местного падежей (монгорский, баоаньский);

г) наличие вариантных форм (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна) исходного и соединительного падежей (монгорский, дунсянский, баоаньский);

д) существование основ указательных местоимений от *ене — ун*, от *тере — тун* (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна);

е) отсутствие личного местоимения 3-го лица (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна, монгорский язык);

ж) отсутствие формы страдательного залога (монгорский, дунсянский, баоаньский);

з) существование глаголов настояще-будущего времени на *-на*, *-не* (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна);

и) наличие формы деепричастия цели на *-ла*, *-ле* (монгорский, баоаньский, дунсянский);

к) наличие форм разделительного деепричастия на *-ā* (монгорский), *-āд* (язык монголов Ганьсу, Цинхая, Синьцзяна) и некоторые другие.

Однако следует отметить, что, обладая чертами, общими с названными монгольскими языками, язык шира югуров вместе с тем имеет и специфические черты, отличающие его от этих монгольских языков. К таким особенностям можно отнести:

нерегулярность соблюдения закона гармонии гласных;

отсутствие долгих гласных *ō* и *ȳ*;

частичную замену гласного первого слога *i* гласным *e*;

совпадение форм винительного и дательно-местного падежей в личных местоимениях лишь во множественном числе;

образование составной формы глагола прошедшего времени сочетанием соединительного деепричастия на *-джі* и глагола-связки в своей основе, без каких-либо временных показателей.

Все сказанное дает возможность предположить, что шира югуры вступали во взаимодействие с рядом монгольских племен. Как результат этого в их языке сохранились некоторые архаичные элементы, специфичные для тех или иных монгольских языков; наряду с ними возникли новые явления, типичные для языка шира югуров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ

бері ерджі атеї герте сона. дӯдаджі еріме кӗчіс шіке герте еріне. кӗчіс маγан, борсаγ едене, араке, ча, шінген ӯна. терес неге одер сона. ондер еріса марγашда каріна. јавісан чаγда хадаγ огіна.

бері атеї герте γурван хонӑд шіке герте орона. окен кӱрген γӱр тӧрӧлден ханене. тенде еріса араке, ḳона маγан абчі кургене. ḳарісан чаγда терес кӱргенде ӱча, окенден ебджӱн огіна, окен кӱрген γӱрда хадаγ огіна. неге хонаса гертен ерджі ваїна.

ПЕРЕВОД

Когда в семью жениха привозят невесту, то она живет в отдельной [маленькой] юрте, гости, приглашенные на свадьбу, находятся в юрте старших [родителей]. Гостей угощают вином, мясом, чаем с жареными лепешками. Приезжие гостят один день. Если они прибыли сегодня, то должны завтра уже уезжать. Перед тем как им уезжать, сторона жениха преподносит каждому по хадак'у.

Невестка три дня живет в маленькой юрте, а затем имеет право бывать в доме родителей мужа. Через некоторое время она с мужем едет к своим родителям. Берут с собой вино и мясо целого барана. На следующий день они возвращаются домой. Зятю дают крестец, а дочери — грудинку, обоим — по хадак'у.

[Отрывок из описания свадьбы у шира югуров. Все материалы, как и настоящий текст, записаны нами у шира югура Ганладонджаба (50 лет, скотовод), живущего в местности Сунань провинции Ганьсу, КНР].

СЛОВАРЬ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

бері 'невестка', 'сноха'.
ері- 'приходить'. Встречается в формах настояще-будущего времени *еріне*, причастия настоящего времени *еріме*, а также соединительного деепричастия *ерджі* и условного деепричастия *еріса*.
атеї 'маленький'. Ср. в сарыг-югурском. С. Е. Малов, стр. 19.
гер 'юрта', 'дом'; *герте* 'в юрте', 'в доме' — дат.-местн. пад.; *гертен* — дат.-местн. пад. с возвратным притяжанием.
со- 'сидеть', 'жить'. *сона* — настояще-будущее время глагола.
дӯда- 'звать', 'приглашать'; *дӯдаджі* — соединительное деепричастие.
кӗчі 'гость'. В *кӗчіс -с* — суффикс мн. ч.
шіке 'большой'.
маγан 'мясо'.
борсаγ 'мучные лепешки'.
еде- 'есть', 'кушать'; *едене* — глагол в настояще-будущем времени.
араке 'вино'.
ча 'чай'.
шінген 'еда', 'пища'.
ӯ- 'пить', *ӯна* — глагол в настояще-будущем времени.
тере 'он', 'тот'.
неге 'один'.
одер 'день'.
марγашда 'завтра', 'назавтра'.
карі- 'вернуться', 'возвращаться'; *каріна* — глагол в настояще-будущем времени; *карісан* — причастие прошедшего времени.

јаві- 'идти', 'ходить'; *јавісан* — причастие прошедшего времени.
чаγ 'время'; *чаγда* — дат.-местн. пад.
хадаγ 'плат'.
огі- 'давать'; *огіна* — глагол в настояще-будущем времени.
γурван 'три'.
хона- 'ночевать'; *хонӑд* — разделительное деепричастие; *хонаса* — форма условного деепричастия.
оро- 'входить'; *орона* — настояще-будущее время глагола.
окен 'дочь'; *окенден* 'своей дочери' — дат.-местн. пад. с возвратным притяжанием.
кӱрген 'зять', *кӱргенде* 'зятю' — дат.-местн. пад.
γӱр 'два'.
тӧрӧл 'родня по линии жены'; *тӧрӧлден* — дат.-местн. пад. с возвратным притяжанием.
хане- 'идти', 'пойти'; *ханене* — настояще-будущее время глагола. Ср. с сарыг-югурским *ханы-*.
тенде 'там'.
ḳона 'овца'.
аб- 'брать', 'взять'; *абчі* — соединительное деепричастие.
курге- 'доставлять'; *кургене* — настояще-будущее время глагола.
ӱча 'крестец'.
ебджӱн 'грудинка'.
ваї- 'есть', 'имеется'; *ваїна* — настояще-будущее время глагола.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баскаков Н. А. *К вопросу о классификации тюркских языков*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М. — Л., 1952.

Котвич В., *Исследование по алтайским языкам*, М., 1962.

Ли Фу-дун, *Обзор народности сарывейвур*, — «Общественное мнение о пограничной политике», т. III, № 8, 1944 (на кит. яз.).

Малов С. Е., *Отчет о путешествии к уйгурам и саларам*, — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912.

Малов С. Е., *Отчет о втором путешествии к уйгурам*, — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, вып. 3, Пг., 1914.

Малов С. Е., *Сказки желтых уйгуров*, — «Живая старина», год XXI, 1912, СПб., 1914.

Малов С. Е., *Остатки шаманства у желтых уйгуров*, — «Живая старина», год XXI, 1912, СПб., 1914.

Малов С. Е., *Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров*, — «Живая старина», год XXIII, 1914, СПб., 1915.

Малов С. Е., *К изучению турецких числительных*, — Сб. «Акад. Н. Я. Марру», М., 1935.

Малов С. Е., *Памятники древнетюркской письменности*, М. — Л., 1951.

Малов С. Е., *Енисейская письменность тюрков*, М. — Л., 1952.

Малов С. Е., *Древние и новые тюркские языки*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М. — Л., 1952.

Малов С. Е., *Язык желтых уйгуров* (*Словарь и грамматика*), Алма-Ата, 1957.

Насилов В. М., *Древнеуйгурский язык*, М., 1963.

Потанин Г. Н., *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886*, СПб., 1893.

Рамстедт Г. И., *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957.

Самойлович А., *Некоторые дополнения к классификации тюркских языков*, Пг., 1922.

Санжеев Г. Д., *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*, М., 1963.

Серебренников Б. А., *Система времен татарского глагола*, Казань, 1963.

Тенишев Э., *Воспоминания желтых уйгуров о С. Е. Малове*, — «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, вып. 1 (14), Алма-Ата, 1960.

Тенишев Э., *Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг югурам*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XX, вып. 2, М. — Л., 1961.

Тенишев Э., *Этнический и родоплеменной состав народности юйгу*, — «Советская этнография», № 1, М. — Л., 1962.

Тенишев Э., *Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу*, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963.

Тенишев Э., *О диалектах уйгурского языка Синьцзяна*, — «Тюркологические исследования», М. — Л., 1963.

Тенишев Э., *О языке кыргызов уезда Фуюй* (*КНР*), — «Вопросы языкознания», М., 1966, № 1.

Тенишев Э., *Юйгу*, — «Народы Восточной Азии», М., 1965.

Тодаева Б. Х., *Предварительные итоги изучения дагурского, монгорского, дунсянского и баоаньского языков* (журн. «Чжунго Юйвэнь», № 9, 1957).

Тодаева Б. Х., *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960.

Тодаева Б. Х., *Дунсянский язык*, М., 1961.

Тодаева Б. Х., *Баоаньский язык*, М., 1964.

Чэнь Цзун-чжэнь, *Югу-цзу и особенности их языка*, — «Сообщения по обследованию национальных языков», № 10, Пекин, 1957 (на кит. яз).

Fokos-Fuchs D. R., *Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandschaft*, Wiesbaden, 1962.

Hermanns Matthias P., *Uiguren und ihre neuntdeckten Nachkommen*, — «Anthropos», Bd XXXV — XXXVI, 1940—1944.

Kotwicz W. L., *La langue morgole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les materiaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs*, Wilno, 1939.

Mannerheim C. G. E., *A visit to the Sarö and Shera yögurs*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. XXVII, Helsingfors, 1911.

Radloff W., *Uigurische Sprachdenkmäler. Materialen nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben*, London, 1928.

Ramstedt G. J., *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*, — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», t. XIX, Helsingfors, 1903.

Roerich, Georges de, *Tibetica*, I. *Dialects of Tibet. The tibetan dialect of Lahul*, New York, 1933.

Thomsen Kaare, *Die Sprache der Gelben Uiguren und der Salarische*, — «Philologiae Turcicae Fundamenta», Wiesbaden, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение 7

Часть I. **Язык сарыг югуров** 9

Фонетика 11
Гласные 11
Согласные 12
Слог 17
Ударение 17
Морфология 17
Имя существительное 17
Имя прилагательное 20
Имя числительное 21
Местоимения 23
Наречия 24
Послелоги 25
Глагол 25
Словообразование 34
Синтаксис 35
Лексика 37
Место сарыг-югурского языка в системе тюркских языков . . 40
Приложение 41

Часть II. **Язык шира югуров** 45

Фонетика 47
Гласные 47
Согласные 49
Ударение 52
Морфология 52
Имя существительное 53
Имя прилагательное 56
Местоимения 57
Имя числительное 60
Глагол 62
Наречия 72
Послелоги 73
Частицы 74
Междометия 74
Некоторые замечания о синтаксисе 75
О лексике 76
Место языка шира югуров в системе монгольских языков 78
Приложение 80
Библиография 82